

Эммануил Тафель

Звезда без любви не рождается

Эммануил Тафель

Звезда без любви не рождается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094670

Аннотация

Трамвай нёсся вниз по узкой улице, высекая искры на поворотах и надрывно сигналив. Тормоза не работали и вагоновожатый, с белым как мел лицом, вцепившись в ручку реостата, старался затормозить и снизить скорость.

Человек тридцать пассажиров, отчаянно крича, упали друг на друга. Двери заклинило, выбраться наружу было невозможно и прохожие, которые стали невольными свидетелями, понимали, что трамвай без тормозов, всё больше набирая скорость, будет катиться до конца улицы, где рельсы делали крутой поворот.

Так оно и произошло. С диким грохотом трамвай выкатился на площадь.

Отчаянно визжа колёсами по рельсам, низвергая снопы искр порванными проводами, под крики обезумевших людей, он врубился в продовольственный магазин, въехав в него как в депо, и замер. Когда минут через двадцать подъехали машины скорой помощи и милиция, им открылся итог этого страшного происшествия. Пять человек погибли, двадцать четыре были ранены. Трамвай, превратившийся в металлолом, вытаскивали из магазина тягачами, а сам магазин на два месяца закрылся на ремонт.

Подобный случай был редкостью, но о нём, даже через годы вспоминали ученики средней школы, расположенной на этой улице. Поэтому на занятия, несмотря на то, что надо было подниматься в гору, они часто шли пешком.

Содержание

Глава первая. Город	4
Глава вторая. Институт	32
Глава третья. Нештатная ситуация	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эммануил Тафель

Звезда без любви не рождается

Моим родителям посвящаю

Глава первая. Город

Трамвай нёсся вниз по узкой улице, высекая искры на поворотах и надрывно сигналив. Тормоза не работали и вагоновожатый, с белым как мел лицом, вцепившись в ручку реостата, старался затормозить и снизить скорость.

Человек тридцать пассажиров, отчаянно крича, упали друг на друга. Двери заклинило, выбраться наружу было невозможно и прохожие, которые стали невольными свидетелями, понимали, что трамвай без тормозов, всё больше набирая скорость, будет катиться до конца улицы, где рельсы делали крутой поворот.

Так оно и произошло. С диким грохотом трамвай выкатился на площадь.

Отчаянно визжа колёсами по рельсам, низвергая снопы искр порванными проводами, под крики обезумевших людей, он врубился в продовольственный магазин, въехав в него как в депо, и замер. Когда минут через двадцать подъехали машины скорой помощи и милиция, им открылся итог этого страшного происшествия. Пять человек погибли, двадцать четыре были ранены. Трамвай, превратившийся в металлолом, вытаскивали из магазина тягачами, а сам магазин на два месяца закрылся на ремонт.

Подобный случай был редкостью, но о нём, даже через годы вспоминали ученики средней школы, расположенной на этой улице. Поэтому на занятия, несмотря на то, что надо было подниматься в гору, они часто шли пешком.

Летний зной накрыл город так плотно, что казалось не только людям, но и деревьям дышать нечем. Они стояли покрытые пылью, наклонив к земле длинные ветви с пожухлой листвой. Солнце палило нещадно и, одетые по-летнему жители, старались прятаться в тени.

Город считался провинциальным, хотя и был расположен на западе страны и, вероятно, поэтому всё новое и передовое не так быстро внедрялось в его быт. Это сказывалось и на автоматах с питьевой водой, которые одиноко ржавели на перекрёстках улиц, а рядом с ними, как бы в насмешку, выстраивались длинные очереди у киосков, где девушки в фирменных передничках бойко торговали газированной водой.

Прохладней становилось только к вечеру, когда солнце опускалось за крыши невысоких домов. В это время на центральных улицах появлялись модно одетые молодые люди. Юноши в джинсах и светлых футболках, а девушки в мини-юбках и полупрозрачных кофточках.

Но днём, несмотря на жару, надо было заниматься делом. По узкой улице, круто поднимавшейся вверх, шёл выпускник одиннадцатого класса Игорь Меньшов. В свои семнадцать лет он выглядел уже взрослым, был со вкусом одет и тщательно причёсан, обладал доброй улыбкой и интеллектом явно не был обделён. Он мечтал поскорее закончить школу, рвануть в Москву и поступить на операторский факультет Института кинематографии. Это была не просто маниакальная мечта провинциального юноши, нет. Мечта базировалась на многолетнем опыте занятий фотографией. Меньшов с четырнадцати лет не расставался с аппаратом и оперативно снимал все что видел. Друзья, смеясь, говорили, что он даже спит

с камерой. Насмехаться, конечно, можно было, но снимал Игорь вполне профессионально. Он отлично чувствовал свет и композицию, а точку съёмки выбирал так, чтобы наиболее полно раскрыть содержание кадра.

Его мечта приобрела реальность, когда он получил вызов из Москвы на вступительные экзамены. Это приглашение означало, что комплект фотографий, посланный им в киноинститут на творческий конкурс, успешно прошёл конкурс и пробился сквозь ряды конкурентов.

Ускорив шаг, Игорь подошёл к школе. Её старое здание вмещало всего шесть классов и поэтому занятия шли по сменам. Малыши учились утром, а старшеклассники начинали занятия после обеда. Одиннадцатый класс «А», в котором учился Меньшов, находился в правом крыле здания, а одиннадцатый «Б» в левом. Окна обеих классов располагались напротив друг друга и выходили во двор школы. Традиционный обмен робкими взглядами начинался на большой перемене, когда ребята выстраивались у открытых окон и остроумными, как им казалось, репликами старались привлечь внимание девушек из соседнего класса. К сожалению, ответная реакция, была, как правило, отрицательной и это происходило не по вине девушек, которые и рады были бы подурочиться, но строгий школьный кодекс вольностей во время занятий не позволял. Открыв массивную дверь, Меньшов вошёл в здание. Здесь не было традиционных для школы детских криков, так как малыши уже закончили учебный год, а старшеклассники, сдававшие выпускные экзамены, старались вести себя достойно. Игорь взбежал по лестнице на второй этаж, подошёл к двери своего класса и вдруг услышал громкий возглас:

– Меньшов!

Он резко повернулся и пошёл навстречу девушке, стоявшей у окна.

– Таня, у меня не было уверенности в том, что я тебя сегодня встречу и поэтому я без цветов.

– Ах, оставь эти шутки, Игорь, – отмахнулась девушка. – Ты можешь исправить свою ошибку после того как сдашь экзамены.

– Это будет совсем не просто, так как последний экзамен у нас математика, с которой я не в ладах.

– О, ты такое трепло, что даже на математике извернешься, – засмеялась Таня, поправляя рукой светлые волосы.

– Красавкина, не забывайся! – Меньшов перестал улыбаться. – Ты думаешь, что если мне нравишься, то можешь позволить себе всё что захочешь?

– Нет, я так не думаю, но и ты не задавайся раньше времени, а то носишься со своим ВГИКом, как с любимой женщиной. Сперва сдай экзамены и поступи в институт, а уж потом будешь смотреть на друзей свысока.

– Я не задаюсь и хвост от гордости не распускаю.

– А зачем ты обклеил кабинет директрисы своими фотографиями?

– Она сама попросила, ей мои фотографии нравятся. А ты директора не тревожь, она тётка что надо! Конечно, если бы она ещё и характеристику выдала, то цены бы ей просто не было. – Вот ты всегда так, – отвернулась к окну Таня, – Прежде всего думаешь о себе, а о друзьях вспоминаешь тогда, когда у тебя возникают проблемы.

– Тут ты не права. Когда у меня трудности, с которыми я сам не справляюсь, то я обращаюсь за советом к братьям, – Меньшов неуверенно взял девушку за руку. – На них я могу всегда положиться.

– А я тебя когда-нибудь подвела? Или может быть предала?

Игорь испуганно поднял руки, как бы отгоняя наваждение.

– Мне бы не хотелось, чтобы это случилось, но я скоро уезжаю в Москву и мы расстанемся на целый месяц. Я буду сдавать экзамены и хочу быть уверенным, что наши отношения не изменятся.

– Мы знакомы уже три года и я надеюсь, что несмотря на твой отъезд, всё останется без изменений, но мы уже не дети и должны реально смотреть на вещи, – Татьяна повернулась к Меньшову и в её улыбке проскользнула ирония. – Представь себе, что несмотря на трудности, ты всё-таки поступишь во ВГИК, а я с золотой медалью и родственниками в институте, прорвусь в медицинский.

Девушка почувствовала как сжалась рука Меньшова, он уже знал, что она хочет сказать.

– Конечно же ты в Москве, а я здесь одна и притом на долгое время. Я не верю в дружбу на расстоянии, а тем более в любовь.

– Таня, как ты можешь так говорить? Мы ведь уже всё решили! Если я поступлю, то через год ты переведёшься в Москву, ведь Первый Медицинский намного престижней провинциального института. И у нас всё будет хорошо!

– А если не поступишь? – с сомнением спросила Татьяна. – Тогда от твоего превосходства ничего не останется, так как ВГИК для Меньшова стал целью жизни. Об этом вся школа знает.

– Да ты права! Поступить в институт для меня сейчас очень важно, – Игорь заговорил значительно резче. – И всякое может случиться, но девушка, которая предаст в трудную минуту, перестанет для меня существовать.

– Это ты говоришь в мой адрес? Значит я для тебя уже ничего не значу? Ну что ж, этого следовало ожидать. Я и предполагала, что это должно случиться!

Таня повернулась и быстро пошла по коридору к своему классу. Высокая, тонкая, стройная, она выглядела очень грациозно и от её фигуры невозможно было оторвать взгляд.

Меньшов, не ожидавший такого поворота событий, взволнованно закричал:

– Красавкина, Татьяна! Вернись, прекрати эту комедию!

Коридор заполонили старшеклассники и Татьяна, то ли постеснявшаяся подруг, то ли не обратив внимания на возглас Меньшова, скрылась за дверью класса. Настроение у Игоря сразу же испортилось, но он, зная характер Татьяны, её вспыльчивость, которая могла быстро смениться раскаянием, надеялся вскоре помириться.

Он вошёл в класс и, приветствуя друзей, ударил по рукам, затем бросил сумку на парту и взглянул на часы. До начала урока ещё оставалось минут десять. Не теряя времени, он решил поговорить с директором.

Надежда Васильевна Петрозаводская создала школу на пустом месте, как в прямом, так и в переносном смысле. Она добилась реставрации здания, а затем и ремонта классов. Сама же и организовала набор учеников. Ей пришлось обойти множество школ города, побеседовать с учениками и склонить их к переходу в её новую, но расположенную далеко от центра, школу.

Зайдя в кабинет, Игорь поздоровался и робко спросил:

– Надежда Васильевна, могли бы вы уделить мне пять минут?

– Если для дела, Меньшов, то могу, – директриса устало улыбнулась и сняла очки, а Игорь, набравшись смелости, сказал:

– Ребята в классе говорили, что после сдачи выпускных экзаменов нам будут выдавать альбомы на память. Это правда?

– Да, на педагогическом совете мы решили обратиться к родителям и собрать деньги на изготовление этих альбомов.

– И в какую сумму обойдётся эта затея каждому выпускнику?

– Мы договоримся об этом с родителями, – директор перестала улыбаться и уже серьёзно смотрела на Меньшова.

– Надежда Васильевна, – торопливо заговорил он, – вы уже знаете, что я занимаюсь фотографией и мне бы хотелось провести эту съёмку. Я уверен, что справлюсь с заданием не хуже мастеров ателье, а ребята из нашего класса обещали мне помочь.

– Подожди, Меньшов, – Петрозаводская встала из-за стола. – Во-первых, это большая и трудоёмкая работа, так как выпускников наберётся не меньше ста человек, а во-вторых, мы не сможем заплатить тебе деньги, так как ты не государственная организация. Это ты понимаешь?

– И не надо мне этих денег! – уверенно сказал Игорь. – Мне будет достаточно того, что я сделаю фотопортреты, необходимые для поступления в институт.

– Ну что ж, Меньшов, ты меня никогда не подводил, – директриса, как будто, успокоилась. – Надеюсь, что и на этот раз твоя работа будет на должном уровне.

– Я постараюсь, – Надежда Васильевна.

Игорь осторожно прикрыл за собой дверь и поспешил возвратиться в класс.

Сегодня должна была пройти консультация по математике. Преподавал этот сложный предмет Иван Семёнович Козлов, скелетообразного вида человек, которого из-за странной фамилии преследовал комплекс неполноценности. Именно из-за этого и для того, чтобы придать себе уверенности, Иван Семёнович приносил на урок большую, широкую линейку, которой не столько чертил на доске, сколько громко стучал по столу, пытаясь добиться тишины в классе. Единицы и двойки он ставил не взирая на лица, сложность материала и подготовленность учеников. Результатом его педагогической деятельности было то, что многие способные ученики стали уходить на дополнительные занятия к другим педагогам.

Вот и сейчас, открыв дверь, Меньшов увидел много пустующих парт и Ивана Семёновича с линейкой у стола.

– А, Меньшов, опаздываешь как всегда, – насмешливая улыбка расцвела на лице Козлова. – У тебя посредственные знания по математике и, как следствие, плохие оценки. Я бы на твоём месте не стал бы опаздывать на консультацию.

– Я был у Надежды Васильевны, – как бы оправдываясь, сказал Игорь. – Она мне дала задание для выпускников школы.

Иван Семёнович перестал улыбаться и уже спокойнее сказал:

– Ну что ж, Меньшов, садись. Надеюсь, что общественные нагрузки не помешают тебе сдать экзамены. Учти, тройка по математике в аттестате зрелости значительно ухудшит твои шансы на поступление в институт.

Неприятный холодок беспокойства шевельнулся в груди, но Игорь внутренне собрался и спокойно прошёл к своей парте. Консультация затянулась надолго, так как Козлов старался разъяснить материал, но у него это плохо получалось. Игорь подробно записал объяснения учителя, но у него не было уверенности в том, что он сможет самостоятельно решить задачи на экзамене.

После короткой перемены, во время которой Меньшов разглядывал окна 11-го «Б», стараясь увидеть Татьяну, по коридору стремительной походкой прошла преподавательница русской литературы Ирина Сергеевна Победоносцева.

Её уроки всегда были праздником для учащихся, так как она не только хорошо знала предмет, но и заряжала учеников своей эрудицией и живой, непосредственной манерой общения. Вызывало уважение и то, что в центральных издательствах страны неоднократно публиковались её книги, а это уже было событием для провинциальной школы.

Ирина Сергеевна уверенно разобрала материал наиболее трудных билетов и сразу же начала семинар по домашним работам учащихся. Она поправила стилистические ошибки

у отличницы Веселовской, сделала замечание хулигану Реутову и обратилась к своему лучшему ученику:

– Меньшов, твоё последнее сочинение произвело на меня хорошее впечатление. У тебя, несомненно, есть творческие способности, но их надо постоянно развивать, – Победоносцева с выражением посмотрела на Игоря. – Я бы посоветовала тебе больше читать классиков, только у них можно научиться чистому и красивому русскому языку.

– Ирина Сергеевна, – Меньшов встал из-за парты, – я решил после окончания школы поступать на операторский факультет института кинематографии и думаю, что мне придётся чаще иметь дело с кинокамерой, чем с авторучкой.

– Друзья, то что я вам сейчас скажу, должен запомнить не только Меньшов, но и все, сидящие в классе. Никогда не рассчитывайте на лёгкий успех, всегда будьте готовы к тому, что жизнь повернётся к вам не лучшей стороной. Часто случается так, что мы строим радужные планы, а пустяковый, казалось бы, случай внезапно опрокидывает их. Поэтому, Игорь, я рекомендую тебе заранее подумать о том, что ты будешь делать, если не сдашь вступительные экзамены.

– «Вот, ведьма, накаркает ещё!» – подумал Меньшов. Настроение у него сразу же испортилось, но он всё же решил подождать Татьяну у выхода из школы.

Занятия уже закончились и оживлённая толпа старшеклассников высыпала на улицу. Таню в окружении подруг Игорь увидел издали.

– Красавкина! – громко крикнул он.

Татьяна попрощалась с девушками и торопливо пошла навстречу Меньшову.

– Привет! – улыбнулась она, как будто и не было их утренней размолвки. – Отчего ты такой грустный? Тебя кто-нибудь обидел?

– Никто меня не обижал. Главное, чтобы у тебя всё было в порядке, а со своими проблемами я, как-нибудь, справлюсь.

– Фу, какая ты злюка! Немедленно перестань дуться! Ты ведь сам знаешь какой у меня несносный характер.

– Да, пора бы к этому привыкнуть, но мне это никак не удаётся.

Игорь взял Таню за руку и они быстро перебежали дорогу, ускользнув от потока машин. Проводив девушку домой, Игорь отправился в городскую библиотеку, которая располагалась в центре города. Старинное здание с высокими потолками и ажурной лепниной над окнами, казалось, было специально построено для занятий творчеством.

Библиотека располагала самым большим книжным фондом в городе и пользовалась заслуженным авторитетом. Выбрав по каталогу необходимые книги, Меньшов с интересом оглядел зал. Здесь было много его знакомых, который то ли уже учились, то ли готовились к поступлению в институт.

В дальнем углу у окна Игорь увидел Володю Афонина, усердно корпевшего над конспектами.

– Привет старик, – Меньшов присел рядом и приветливо улыбнулся. – Ты не был сегодня на консультации, а Козлов совершенно озверел и записал всех отсутствующих.

– Да и хрен с ним! – Афонин нехотя оторвался от большого фолианта с гравюрами. – Искусствоведу совсем не обязательно знать математику.

– Ну, если вспомнить Леонардо да Винчи, то он, будучи гением в живописи, отлично разбирался и в других науках.

– Чего не скажешь обо мне! – Афонин снова углубился в чтение.

За окном нещадно палило солнце, прохожие старались держаться в тени, а скопившееся на светофоре стадо автомобилей нетерпеливо пофыркивало выхлопными газами.

Меньшов открыл книгу по теории киноискусства. Чтение увлекло его и он принялся конспектировать. Часа через два Афонин предложил отдохнуть и они вышли в коридор.

Володя закурил, не предложив Игорю, так как знал, что он занимается спортом и о курении для него не может быть и речи.

– 26 июня у нас последний экзамен по литературе, затем выпускной вечер и мы на свободе, – Меньшов отодвинулся, чтобы не дышать дымом. – Что ты думаешь делать потом?

– Ты же знаешь, что я отослал документы в Санкт-Петербургскую академию художеств.

– А вызов на вступительные экзамены ты уже получил?

– Надеюсь, что он придёт в конце этой недели и, сдав все школьные экзамены, я смогу уехать.

– А как же выпускной бал?

– У меня слишком мало времени на подготовку и чем раньше я приеду в Питер, тем лучше.

– Но у меня такая же ситуация, – повысил голос Меньшов, – и, тем не менее, я приду на выпускной вечер, который будет для нас последним в школе.

– Скажи лучше, что боишься оставить Татьяну одну, – Афонин ехидно усмехнулся.

– Если я ещё раз это услышу, то тебе придётся лечить свою челюсть, напрягся Меньшов.

– Ладно, остынь! – Володя выбросил в урну бычок сигареты. – Пойдём в зал, у нас ещё много работы.

Выйдя в пять часов вечера из библиотеки, Меньшов набрал номер Красавкиной. Трубку она сняла на четвёртом гудке.

– Алло, – услышал он знакомый голос.

– Таня, привет! Я на сегодня отзанимался, а как у тебя?

– У меня всё в порядке, – бодро ответила девушка. – Мама сейчас на работе, а я приготовила вкусный обед. Хочешь накормлю?

– Конечно, я голоден как волк, но дело в том, что я обещал пораньше вернуться домой.

– Об этом не беспокойся, я сейчас перезвоню твоим родителям и скажу, что ты зайдёшь ко мне.

– Как у тебя всё просто, девочка. Ну хорошо, я побежал. Жди!

Игорь рысью пересёк площадь, свернул в переулок и подошёл к трамвайной остановке. В гроыхающем старом вагоне он проехал три остановки, соскочил на ходу и через пять минут подошёл к дому Татьяны. Поднявшись на второй этаж, он нетерпеливо позвонил. Таня открыла дверь и, озорно улыбнувшись, повисла у Меньшова на шее, а он, подхватив её на руки, пронёс в комнату. Квартира была обставлена скромно, но со вкусом: на полу большой, пушистый ковёр, у окна раскладной диван, вся правая стена была заставлена полками с книгами, слева стоял телевизор «Сони», а над ним картина польского художника Яна Матейко. В центре комнаты возвышался большой круглый стол с четырьмя стульями.

– Присаживайся, кормить тебя буду в комнате, так как на кухне у меня беспорядок.

– А ты разве не поешь со мной?

– Нет, я уже ела и буду только чай пить.

Таня поставила новый диск и выскользнула из комнаты. Игорь подошёл к плееру и убавил звук. Татьяна увлекалась не только поп-музыкой, но и часто слушала классику, сказывалось музыкальное образование, которое она получила по настоянию родителей.

Таня принесла на подносе обед: тарелку куриного бульона с вермишелью, салат и котлеты с жаренной картошкой. – Игорь, ты ешь, а я сейчас принесу чай и варенье.

– Я подожду тебя.

– Можешь не соблюдать правила этикета, так как в квартире мы одни.

Эти слова подействовали на Меньшова, как удар током. Они часто гуляли с Таней по городу, загорали летом на берегу озера, но в пустой квартире оказались вместе впервые.

Игорь нехотя начал есть, а когда из кухни вернулась Татьяна, он уже доедал второе. – Спасибо. Вкусно до невозможности!

– Приятно слышать. Сейчас мы попьем чай, а потом я вымою посуду. – Могу я тебе помочь?

– Ты у меня в гостях, поэтому хозяйничать буду я.

– А когда ты станешь моей женой, кто будет мыть посуду? – с улыбкой спросил Игорь.

– Тогда посуду будешь мыть ты, – засмеялась Таня, показав ровный ряд беленьких зубов.

Всё-таки Меньшов помог ей убрать со стола, а когда они вернулись в комнату, Татьяна зашторила окна и зажгла настольную лампу. Открыв книжный шкаф, она достала большой альбом с репродукциями и отдала его Игорю, а сама ушла в спальню, плотно прикрыв за собой дверь.

Меньшов рассеянно смотрел на репродукции испанских художников, но мысли его были сейчас далеки от живописи. Татьяна появилась в длинном халате с распушенной гривой волос и лёгкий запах духов разлился по комнате.

– Понравились тебе испанцы?

– Мне как-то сейчас не до них. Я больше думаю о тебе.

Таня подошла к Игорю и наклонилась над альбомом. Её халатик слегка распахнулся, обнажив красивую, девичью грудь. У Меньшова перехватило дыхание и задрожал голос:

– Таня, сядь пожалуйста рядом.

Вздروгнули длинные ресницы, девушка робко взглянула на Игоря и присела на диван. Он обнял её за плечи, прижал к себе и нежно поцеловал.

– Я люблю тебя, Танюшка!

– Ты это серьёзно? – девушка подняла глаза.

– Да, такими вещами не шутят.

Меньшов осторожно расстегнул пуговицы на её халате.

– Игорь, не надо, я боюсь!

– Меня тоже слегка трясёт.

Его рука легла на грудь девушки и Игорь почувствовал как бьётся её сердце.

– Будь осторожен, ведь у нас это впервые.

То, что произошло потом, Меньшов запомнил на всю жизнь, хотя пережить ему предстояло ещё многое...

Игорь вернулся домой в девять часов вечера. Вся семья была уже в сборе: отец, резко чеканя фразы, кого-то отчитывал по телефону, мать убирала посуду после ужина, а старший брат Александр, недавно приехавший из Москвы, смотрел телевизор.

– Привет, сын! – отец положил телефонную трубку. – Что у тебя хорошего? Как дела в школе?

– Всё в порядке, папа. Хожу на консультации и готовлюсь к экзаменам.

Игорь скинул ветровку, одел домашние тапки и прошёл в ванную. Помыв руки, он вернулся к столу.

– Нам позвонила Таня и сказала, что ты будешь у неё, – отец вопросительно посмотрел на сына.

– Да, мы занимались и она даже накормила меня обедом.

– А её мать, Валентина Михайловна, была дома?

– Нет, она сегодня дежурит в больнице, – Игорь опустил глаза. Он никогда не обманывал отца, так не только любил его, но и уважал как человека.

Отец уже много лет работал директором большого промышленного завода и выдержать его тяжёлый взгляд было не просто. Он ничего не сказал, но Игорю стало ясно, что отец понял всё.

Старший брат, наконец-то, оторвался от телевизора, бодро встал с кресла и улыбнулся Игорю.

– Малыш, я видел твои фотографии. Ты делаешь успехи! Особенно хороши репортажи и женские портреты. Мои советы не пропали даром!

Игорь смущённо улыбнулся.

– Если ты будешь также снимать на экзаменах, то я думаю, порадуешь преподавателей.

– Саня, но ты же знаешь, что мне предстоит не только фотосъёмка, но и экзамены по пяти предметам.

– Я не понимаю какие у тебя проблемы? Сразу же после школы, со свежими знаниями сдавать вступительные экзамены значительно легче!

– Если бы так.

В комнату, складывая документы в папку, зашёл Владимир, средний и самый мудрый брат Игоря.

– Старик, я сегодня заканчиваю расчёты, завтра представлю документы учёному совету и уже в воскресенье смогу помочь тебе в решении задач.

– Спасибо.

– Ну если так, то я тоже выберу время и понатаскаю тебя по теории киноискусства, – Александр вытащил из пачки сигарету и, поигрывая новой зажигалкой, прикурил её.

«Хорошо, что у меня есть такие братья, – подумал Игорь. – Если бы я был в семье один, мне было бы значительно сложнее»

Закончив хлопоты на кухне, в комнату вошла мать. В домашнем халате и мягких шлёпанцах она была совершенно не похожа на профессора гинекологии, оказавшей помощь сотням женщин.

– Игорь, ты наверное голоден? Я сейчас тебя покормлю.

– Нет, мама, спасибо. Я поел у Тани.

– У неё что общественная столовая? – мама была явно недовольна. – Обедать надо дома.

– Хорошо, я это обязательно учту, – Игорь прошёл в ванную, принял душ и, отказавшись от предложения посмотреть телевизор, лёг в постель. Усталость навалилась на него давящей тяжестью и, закрыв глаза, он заснул.

Со следующего дня нагрузки значительно возросли, так как помимо экзаменов в школе, Игорь начал заниматься с братьями дома. Надо отметить, что требования у них были значительно выше, чем у педагогов в школе. И, тем не менее, он почти ежедневно встречался с Татьяной и провожал её домой. Они целовались в подъезде, запах её волос пьянил его и только расставшись с ней, он начинал отсчитывать время до следующей встречи.

Сдав последний экзамен, старшеклассники стали готовиться к выпускному вечеру. Юноши примеряли новые костюмы, а девушки срочно шили нарядные платья. На торжественный вечер все собрались в актовом зале, но не всё происходило так как хотелось. Музыка звучала слишком громко, парни быстро опьянели от крепкого вина, кто-то сразу же полез в драку, а девчонки визжали.

Запоминающегося праздника не получилось, всё было как обычно, известные мелодии и неуклюже танцующие пары.

Порадовала только поездка на катере по вечерней реке. Дул сильный ветер, в небе ярко сверкал диск луны, холодные брызги залетали на палубу и Игорь, обняв Таню, накинул свою куртку ей на плечи.

В день выдачи аттестатов зрелости, Меньшов закончил печатать фотографии и раздал их выпускникам, чем очень порадовал директора школы. Теперь все свободное время он посвящал подготовке к вступительным экзаменам, которые должны были начаться через месяц. Игорь готовился к отъезду в Москву. Татьяна часто приходила к нему домой,

нисколько не смущаясь родителей, которые относились к ней по-дружески. Старшие братья снисходительно улыбались, лишь только слышался звонкий голос Тани:

– Игорь, ты взял с собой белые рубашки?

– Игорь, надо обязательно погладить брюки!

– Игорь, а конспект по искусству ты уже приготовил?

– Игорёк, – говорила она, как правило, к вечеру, – пора отдохнуть. Пойдём сегодня в кино?

– Хорошо, пойдём, – нехотя соглашался Меньшов, думая о том, что лучше бы он посмотрел материалы по итальянскому Возрождению.

И вот настал день отъезда. Игорь простился с мамой и братом, а затем вышел с отцом на улицу, где их ожидала Татьяна в нарядном летнем платье. Такси подъехало через несколько минут. Отец сел рядом с водителем, а Игорь с Татьяной разместились на заднем сидении. Через тридцать минут они доехали до аэропорта, который располагался недалеко от города.

Довольно быстро пройдя регистрацию, Игорь сдал чемодан в багаж, затем попрощался с отцом и поцеловал Татьяну. Он нежно погладил её волосы, приветливо махнул рукой и пошёл на посадку в самолёт. Там он устроился у окна, пристегнул ремень и, закрыв глаза, постарался расслабиться. Через несколько минут заработали двигатели, самолёт плавно оторвался от земли и, набрав высоту, взял курс на Москву. Внизу промелькнули пригородные домишки, извилистая лента реки, а затем всё закрыли густые, лохматые облака.

Через два с половиной часа Меньшов уже был в аэропорту Внуково. Он позвонил брату, но в трубке прозвучал женский голос, очевидно это была Вероника, жена старшего брата.

– Здравствуйте, – смутившись, произнёс Игорь. – попросите к телефону Сашу.

– Александра сейчас нет дома. А кто говорит?

– Это звонит его младший брат Игорь.

– А, Игорёк! – сразу же сменила тон Вероника. – Саша сейчас на съёмках, но ты приезжай, мы тебя ждём.

– Спасибо, а как доехать?

– Значит так, сейчас садись на рейсовый автобус, что идёт до аэровокзала. Там возьми такси и езжай прямо на Дмитровское шоссе. Адрес знаешь?

– Да, у меня записан.

– Ну тогда до встречи, – и в трубке раздались короткие гудки.

Меньшов взял чемодан, подхватил сумку с хрустальной вазой – подарок родителей семье старшего брата и, пройдя стеклянные двери, направился к автобусной остановке. Через час комфортабельный «Икарус» привёз пассажиров на Ленинградский проспект. Сев такси и назвав адрес водителю, Игорь, казалось бы, успокоился, но нервное напряжение всё-таки не спало.

Девятиэтажный дом на Дмитровском шоссе он нашёл с трудом, так как рядом стоящие дома, были похожи друг на друга как близнецы. Поднявшись на девятый этаж, Меньшов позвонил в квартиру, металлическая дверь которой была обтянута чёрным дерматином. Открыла ему Вероника, приветливо улыбнулась и пригласила войти. Позади неё, в коридоре, маячила толстая, неопрятная женщина, вероятно её мать.

– Здравствуйте, – негромко, сказал Игорь.

– Привет, заходи, – Вероника пропустила его в коридор, попросила снять обувь и, только после этого, повела в комнату. Меньшов расстегнул сумку, вынул хрустальную вазу и аккуратно поставил её на стол.

– Это вам подарок от моих родителей.

– Чего это? – угрюмо спросила теща.

– Мама, это хрустальная ваза. Разве ты не видишь?

– Да красиво! – констатировала тёща. – Большая, может много цветов вместить. Я поставлю эту вазу у себя, она как раз подходит к моему серванту.

Вероника не успела и рта раскрыть, как Варвара Сидоровна, прихватив вазу, скрылась за дверью. Игорь решил не вмешиваться в чужие семейные разборки, но он помнил о том, с каким трудом отец достал эту уникальную вазу. Жена старшего брата решила сгладить неприятную ситуацию.

– Не удивляйся, Игорь, но я должна тебя предупредить, что моя мама немного странная женщина.

– Я ничего не имею против, но что скажет Саша? Ведь это он просил меня привезти вазу.

– Ну и что? – Вероника, казалось, была удивлена. – Подумаешь ваза!

Александр не будет скандалить из-за пустяка с тещей, а вазу я со времен ему неё заберу.

Они прошли на кухню, где хозяйка быстро приготовила еду, накормила Игоря и, сказав, что квартира и телефон в его распоряжении, ушла на работу. Помыв посуду, Меньшов позвонил в приёмную комиссию института и назвал свою фамилию. Секретарь сообщила ему, что приёмные экзамены начнутся четвёртого июля, но приехать в институт надо заранее, так как назначено собеседование с зав. кафедрой. Ситуация складывалась непростая. До начала экзаменов оставалось всего четыре дня, а ещё надо было выбрать объекты для репортажной съёмки. Она, вероятней всего, будет проходить на ВДНХ.

Его размышления прервала Варвара Сидоровна. Шумно дыша она вошла в комнату. На ней был цветастый махровый халат, разошедшийся по швам под мышками.

– Игорь, я хотела у тебя узнать, привёз ли ты с собой деньги? Наступила пауза. Лицо тёщи ничего не выражало.

– Продукты сейчас дорогие, а ты у нас будешь есть каждый день.

Меньшов был озадачен таким вопросом, но спокойно ответил:

– Родители мне дали немного денег на текущие расходы, но я не предполагал, что мне их придётся тратить на питание в квартире у брата, – затем поспешно добавил: – но если понадобится, я позвоню домой и мне вышлют по почте.

– Пока вышлют, пройдёт время, а кормить тебя надо сейчас. Давай деньги!

Игорь онемел. В их доме часто гостили родственники, то в одиночку, а то и целыми семьями. Для каждого гостя всегда находился обед и удобная постель на ночь. Гостеприимство входило в традиции семьи и дети воспитывались в том же духе. К тому же он знал, из рассказов брата, что тёща хорошо зарабатывает в интернате, где работает воспитателем. Александр за съёмки получает приличные гонорары, а Вероника числится в престижной фирме. Семья не бедствовала и потому подобной наглости от тёщи он не ожидал.

– Варвара Сидоровна, я конечно же дам вам деньги, но может мне лучше сразу переехать в общежитие?

– Саша будет этим недоволен, а мне скандалы в доме не нужны, – тёща забрала деньги и вышла из комнаты.

Настроение было испорчено, но Игорь всё-таки решил поехать в институт.

Он быстро собрался, взял с собой учебники, фотоаппарат и документы. На улице было жарко, ярко светило солнце, пожухлая листва свисала ленивыми гроздьями и по дороге медленно ползли переполненные троллейбусы. Добравшись с двумя пересадкой до ВГИКа, Меньшов зашёл на кафедру операторского мастерства, где толпилось множество абитуриентов. Их легко можно было узнать по сумке с аппаратурой, которая болталась у каждого на плече.

«Вероятно здесь работает приёмная комиссия» – подумал Меньшов, стараясь пробиться сквозь толпу. Когда он добрался до 109 аудитории, то увидел высокую девушку с серьёзным лицом, которая принимала документы. Он поздоровался и предъявил допуск на

экзамены. Наташа, так звали ассистентку, порывшись в бумагах, нашла листок абитуриента и протянула его Меньшову.

– Постарайся хорошо сдать экзамены и тогда получишь студенческий билет!

– Сделаю всё возможное! – бодро ответил Игорь.

Он поднялся на второй этаж и зашёл в пустой павильон, где ему предстояло снимать гипс и портрет. Гипс он гипс и есть, с этим ничего не поделаешь, а вот лицо актёра определяло очень многое. Хорошо снимать молодую, красивую девушку, а что делать со старым, подвыпившим актёром? Из рассказов бывалых студентов Игорь знал, что актёров выбирают по жребию и кого вытянешь в этой рулетке было неизвестно.

Побродив по павильону, взглянув на осветительные приборы, ощутив шероховатую поверхность фона, Меньшов как бы примеривался к предстоящей съёмке. Когда он вернулся на кафедру, коридор опустел и Наташа уже заканчивала работу.

– Простите, вы не скажете кто сейчас декан операторского факультета?

– А зачем вам это знать? – в голосе девушки прозвучали служебные нотки. – С деканом вы познакомитесь после экзаменов, если поступите в институт, а зовут его Баранов Константин Васильевич. Запомнили? Ну пока.

– До свидания.

Меньшов вышел из института и, задумавшись, остановился.

«В школе Козлов, а в институте Баранов – наваждение какое-то!»

Он позвонил брату и, когда Александр взял трубку, кратко рассказал ему о делах в институте, не забыв упомянуть об эпизоде с Варварой Сидоровной.

– Не переживай, парень. Тёща у меня ненормальная и если бы я обращал внимание на все её выходки, то давно бы уже и сам свихнулся. – А как же чувство собственного достоинства?

– Не бери в голову! Я с ней как-нибудь разберусь, а ты садись в автобус и езжай ко мне. Вместе поужинаем. Когда Меньшов приехал к брату, Вероника хлопотала на кухне. В коротком передничке, с хвостом пушистых волос, она смотрелась очень юной. На столе дымилась картошка, в салат были нарезаны помидоры и огурцы, а горячие сосиски разложены по тарелкам.

– Приятного аппетита, мальчики! А я пошла посмотреть телевизор.

После ужина, убрав посуду, Александр сказал:

– Перед экзаменом у вас будет собеседование с зав. кафедрой Дубининым. Постарайся запомнить основные пункты его программы. – Разве он скажет что-то новое? Всё его идеи и методы давно изложены в его первой книге.

– Не скажи, малыш, он человек с головой и свято чтит традиции старой операторской школы.

– Хорошо, брат, я всё законспектирую.

Устав за день, Игорь сразу же заснул. Сны, которые ему снились, он обычно не запоминал, но сегодня во сне он увидел Татьяну в летнем платьице посреди зелёного луга. Сзади сверкала лента реки. Действие происходило как бы в замедленной съёмке: ветер шевелил ветки деревьев, мягко колебались лепестки цветов, плавно двигалась девушка, а за ней неуклюже бежал маленький, рыжий щенок.

Сон исчез так же внезапно, как и появился. В комнате было уже светло и сквозь оконные занавески пробивались лучи солнца. Часы показывали половину восьмого. На кухне Вероника гремела посудой, вероятно готовила завтрак. Меньшов прошёл в ванную, почистил зубы и принял душ. Уже в коридоре он поздоровался с братом, а Вероника торопливо проговорила:

– Извини нас, Игорь, но мы опаздываем на работу, так что завтракать тебе придётся одному, – она указала рукой на холодильник. – Продуктов достаточно и я думаю, что ты справишься.

Александр похлопал его по плечу и, перед тем как закрыть дверь, серьёзно сказал: – На экзаменах не волнуйся и сдавай уверенно, но помни, что главное это удачно провести фотосъёмку.

Игорь быстро приготовил яичницу, нарезал помидоры, достал из холодильника пакет с кефиром. Завтрак получился на славу. Вымыв посуду и собрав документы, он отправился в институт. По уже знакомой лестнице он поднялся на четвёртый этаж и зашёл в библиотеку. Заказав книги по операторскому мастерству, он расположился в тишине читального зала. Многие разделы были давно знакомы и он лишь перелистывал страницы, вспоминая материал.

Время прошло незаметно и через пару часов Меньшов спустился на первый этаж, где должна была состояться встреча с зав. кафедрой. Аудитория была переполнена и свободных мест видно не было. Поняв, что здесь слишком много конкурентов Игорь двинулся вперёд. У одного из парней он передвинул кофр, другого, извинившись, отгёр плечом и уже через несколько минут сел за один из первых столов.

Заведующий кафедрой операторского мастерства Дмитрий Зиновьевич Дубинин, крупный, совершенно лысый мужчина, вошёл в аудиторию неспешным, шаркающим шагом и заговорил медленно и тягуче.

– Друзья мои, хочу предупредить вас, что вы не первые и не последние мои студенты и все ваши мысли я знаю наперёд. Поэтому, каждый, кто надеется нечестным путём попасть в институт, может сразу же отправляться домой. Но мне бы хотелось, чтобы абитуриенты, которые успешно сдадут экзамены, стали хорошими студентами, а после окончания института кинооператорами высшего класса, – зав. кафедрой сделал небольшую паузу и вытер платком вспотевший лоб.

– Прошу вас также учесть, что вы поступаете в уникальный институт, на операторском факультете которого готовят специалистов мирового уровня, без которых невозможно существование кинематографа. Чтобы не говорили, но оператор является главным человеком в кино, благодаря мастерству его съёмки, зрители видят фильм на экране. Вы должны гордиться своей будущей профессией.

Притихшие абитуриенты не знали надо ли им аплодировать и, на всякий случай, промолчали. Затем Дубинин кратко изложил основные темы, которые были описаны в его книге, тем не менее абитуриенты начали лихорадочно конспектировать. Ничего нового для Меньшова зав. кафедрой не сказал, но когда речь зашла о том, что кинооператор – это военная профессия, Игорь насторожился.

Его дед прошёл всю войну, а отец служил в авиации и часто поговаривал о военном училище, но Меньшов твёрдо решил стать кинооператором и сейчас, со слов Дубинина, как бы происходило совмещение желаний отца и сына.

Собеседование продолжалось два часа и в заключение зав. кафедрой сказал, что в мастерскую художественного фильма будут приняты по конкурсу десять человек, из них пять направлены от различных организаций, а вот в мастерскую операторов-журналистов должны были принять пятнадцать человек. Эта мастерская открывалась впервые и многое в программе обучения было не ясным.

Абитуриенты высыпали в коридор и дружно задымили. Игорь стоял у двери опустевшей аудитории, думая о том в какую мастерскую поступать. Он уже давно решил стать оператором художественного фильма, но конкурс в эту мастерскую был настолько велик, что невольно возникала мысль о журналистике.

Мимо торопясь прошла ассистентка Наташа. Меньшов окликнул её и подошёл к девушке. Она была выше на полголовы и это сильно смущало Игоря.

– Простите, вы не скажете кто будет вести мастерскую художественного фильма?

– Профессор Каменцев Игорь Витальевич, – на секунду задержавшись, ответила Наташа. – Прекрасный мастер и замечательный человек!

– Спасибо, – Меньшов вышел на улицу, постоял задумавшись и быстро пошёл к автобусной остановке. Он окончательно решил стать оператором художественного фильма.

Через два дня начались вступительные экзамены. Первой была назначена фотосъёмка в павильоне. Игорю, вопреки желанию, досталась по жребию пожилая актриса. Внешность у неё была ничем не примечательная и даже правильные черты лица не могли скрыть внутреннего напряжения.

– Не волнуйтесь, пожалуйста! – раздражённо сказал Меньшов, вытирая платком пот с лица. – Вы так напряжены, что можно подумать будто это ваша первая съёмка в жизни.

– Ну, конечно, не первая, – улыбнулась актриса, – но дело в том, что я всегда плохо выгляжу на фотографиях, а именно сейчас мне необходимы хорошие снимки. – Она слегка покраснела. – Мне предлагают одну из главных ролей на Мосфильме.

– Не знаю как роль, но хорошие фотографии я вам гарантирую, – сказал Меньшов, закрепляя камеру на штативе. – Вам просто необходимо расслабиться и как можно естественней улыбнуться.

Он расставил осветительные приборы, замерил освещённость и начал снимать актрису в фас и в профиль, но самые удачные кадры получились при съёмке в три четверти, так называемый «Труакар».

Времени на изменение схемы света уже не оставалось и Меньшов, поблагодарив актрису, взялся за съёмку гипса. Скульптурный портрет философа Сенеки был известен в мире искусства не только за свои реалистические черты, но и за объёмно-пластическую форму. Фотографу, который владел мастерством светописа и композиционными приёмами, снимать его было нетрудно.

Продумав различные варианты и, выбрав оптимальную схему, Игорь направил на плоскость фона резкий луч света. Времени на съёмку оставалось совсем мало и он, решив не экспериментировать, начал снимать. Он менял ракурсы съёмки и варьировал расположение осветительных приборов. Когда съёмка закончилась, Игорь почувствовал, что сильно устал. Выключив свет и разобрав аппаратуру, он спустился в лабораторию, которая располагалась в подвале.

Несколько абитуриентов уже проявляли плёнки и Меньшов, получив растворы, присоединился к ним. Обработка шла в полной темноте, так как фотобачки выдавали без крышек. Игорь проявил пробу и, оценив на свету плотность негатива, начал проявку основной плёнки.

Когда он фиксировал негатив, кто-то включил свет в лаборатории. Абитуриенты дружно заорали, стараясь закрыть собой бачки от света, но к сожалению у многих плёнка оказалась засвеченной. Как объяснил ему потом Александр, таким образом наиболее подлые из абитуриентов уменьшали число своих конкурентов. Виновного так и не нашли!

Сдав плёнку на сушку, Меньшов поехал к брату. Вероника была дома и, пригласив его на кухню, предложила поужинать. Весь день Игорь ничего не ели без стеснения согласился. Хозяйка выставила на стол продукты, а сама ушла смотреть телевизор. Поев и вымыв посуду, Игорь раскрыл блокнот и попытался составить план репортажной съёмки. Она должна была состояться на ВДНХ и снимать надо было на открытой природе. Конечным результатом должна была стать серия снимков, объединённых одной темой. Снимать мороженщиц и чёрных иностранцев не рекомендовалось, так как эта тема преобладала в работах нескольких

поколений абитуриентов. Меньшов решил разыграть актёрскую сцену, но снять её репортажно, как в жизни.

На следующий день выглянуло солнце и уже с утра стало жарко. Игорь надел тенниску и джинсы, сложил фотоаппаратуру в кофр и вышел из дому. Старший брат с женой ещё спали. Добравшись до института, Меньшов зашёл на кафедру, получил плёнку для съёмки и направился в сторону ВДНХ. Плечо оттягивал кофр с аппаратурой, а в руках был тяжёлый штатив.

Подойдя к центральному входу выставки, Игорь стал искать помощников, которые могли бы выступить в качестве актёров. Спустя двадцать минут он увидел как к билетной кассе подошли парень и девушка. Парень был высокий и худощавый, а девушка маленькая и полная. Если он что-то говорил, то ему приходилось наклоняться к ней. Парень обнимал её, а девушка смеялась и улыбка очень шла к её милому лицу. – Простите, – обратился Меньшов к парню, – я провожу репортажную съёмку, могли бы вы мне помочь?

– Один или с девушкой? – спросил парень, разглядывая фотокамеру в руках Игоря.

– Хотелось бы, чтобы вы были вместе! Возьмите билеты, я их оплачу и подожду вас у центрального входа. – Ой как здорово! – воскликнула девушка.

Минут через десять они втроем прошли на выставку. Игорь коротко объяснил план предстоящей съёмки. Это должна была быть серия снимков на тему, как молодые люди проводят свободный день на ВДНХ. Они гуляют, осматривают павильоны, а фотограф на расстоянии, не мешая, будет снимать. Получался как бы с режиссированный репортаж, результаты которого ещё трудно было предугадать.

– Ну что ж, начнём! – бодро сказал Меньшов, заметив, что девушка перестала смеяться и вопросительно смотрит на него.

– А фотографии мы получим? – она откинула упрямую чёлку.

– Конечно, после окончания экзаменов я напечатаю их для вас.

– И сколько это будет стоить?

– Я сделаю фотографии для вас бесплатно, только их ещё сперва надо снять. Поэтому давайте работать и постарайтесь забыть, что я вас снимаю. Меньшов проверил камеру и съёмка началась. О том, что их снимают, Сергей и Наташа, так звали молодых людей, забыли уже через полчаса. Они побывали во многих павильонах, посмотрели выставленные экспонаты, позировали художникам и примеряли новые модели одежды. В павильоне «Космос», который поражал своими фантастическими размерами, Сергей попытался влезть на космический корабль, а Наташа с трудом его удержала. В одном из павильонов молодые люди увидели образцы новых автомобилей и стали о чём-то шептаться. Меньшов сделал ещё несколько снимков и подошёл к ним.

– А какой свадебный подарок ты мне приготовишь? – лукаво улыбаясь, спросила девушка.

– Любую из этих машин! – бодро ответил юноша и они оба засмеялись.

Игорь попытался вмешаться в их разговор.

– Я вам очень признателен, но мы ещё должны снять несколько кадров на натуре.

Когда они вышли на улицу, солнце уже клонилось к горизонту. Меньшов поменял оптику и сделал несколько завершающих кадров, где парень и девушка, взявшись за руки, уходят с ВДНХ, а навстречу им светит вечернее солнце.

В тот же день проявив плёнку в лаборатории, Меньшов убедился, что негатив хороший и это подняло ему настроение. Печать фотографий была назначена на следующий день, а сегодня можно было отдохнуть.

Игорь позвонил брату и, удостоверившись что он дома, поехал на Дмитровское шоссе.

– Как дела, малыш? – спросил Александр, поудобнее устраиваясь на диване.

Игорь рассказал о репортажной съёмке и наткнулся на удивлённый взгляд старшего брата.

– Не думай, что ты снял что-то оригинальное. Этим приёмом пользовались многие абитуриенты и даже специально приглашали профессиональных актёров. – Александр попытался закурить, но увидев осуждающий взгляд жены, спрятал сигарету. – Всё дело в результате, а как ты его добился никого не интересует.

– Выходит, что чем лучше комплект фотографий, тем выше результаты на творческом конкурсе?

– Не совсем так. Необходимо представить не только хорошие снимки, но и суметь защитить их на собеседовании у профессора.

– Я постараюсь!

– Отстоять позицию и защитить свой комплект фотографий тебе будет довольно трудно, так как интеллект профессора Каменцева славится далеко за пределами института.

– Но я же прочёл все его книги!

– Этого мало. Разговор может выйти за рамки фотографии и коснуться истории искусства.

– И в этой области я неплохо подготовлен.

– Смотри, Игорь, собеседование с профессором – это самый сложный для тебя экзамен. Запомни также, что если тебе снизят оценку на одном из экзаменов, это значительно уменьшит твои шансы на поступление в институт.

Этой ночью Игорь долго не мог заснуть и тревожные мысли не покидали его. Тем не менее утром он сделал зарядку, принял душ и, позавтракав, отправился в институт.

У входа в лабораторию толпилось много абитуриентов и Меньшову пришлось отстоять очередь, чтобы получить плёнку, бумагу и фотоувеличитель.

Найдя место в тёмной лаборатории, он начал работать. Волнения не было, так как печать фотографий всегда доставляла ему удовольствие. Снимки выходили чёткие и сочные, благодаря сложной системе фотопроб, которой его научили старшие братья.

Напечатав два портрета актрисы, два ракурсных гипса и семь репортажных снимков с выставки, Игорь начал проявку фотографий. Боясь засветки, он не отходил от кюветы со снимками, пока они не были готовы. И только подписав фотографии и сдав их на сушку, он успокоился.

Для лучшего изобразительного эффекта он решил наклеить снимки на белую паспарту, которую предстояло добыть в переплётной мастерской. Туда-то Меньшов и направился. Переплётчик дядя Вася работал в институте уже очень давно и многие известные режиссёры и операторы, сценаристы и актёры, получившие звание «заслуженных», помнили как будучи студентами, обращались к нему за помощью.

Дядя Вася переплетал отчёты о съёмках, курсовые и дипломные работы, дневники практических занятий, сценарии и раритетные книги, кандидатские диссертации и комплекты редких фотографий. Человек он был безотказный, но любивший выпить и поэтому всегда требовал за свою работу мзду.

Меньшов зашёл в переплётную и негромко поздоровался. Дядя Вася неспешно отошёл от большого винтового пресса, вытер тряпкой ладони и спросил:

– Чем могу быть полезен, молодой человек?

– Мне бы фотографии наклеить на белую паспарту.

– Они у вас с собой?

– Нет, фотографии сейчас в лаборатории, но завтра утром я могу их вам принести.

– Вот вместе с фотографиями и приходи, заодно обрежем всё лишнее.

Игорь поблагодарил переплётчика и направился к деканату операторского факультета, на двери которого было вывешено расписание вступительных экзаменов. Первой была

назначена теория фотографии, затем физика, собеседование с руководителем мастерской, сочинение, русский язык и литература, а последним в списке был указан экзамен по истории.

Только перечисление всех экзаменов, могло здорово испортить настроение. Зачисление в институт, в случае удачи, было назначено на двадцать шестое июля. Переписав расписание в блокнот, Меньшов вышел на улицу. Главное, как он считал, уже было сделано: комплект фотографий, которые он снял на экзамене, смотрелся профессионально и, что особенно важно, соответствовал его снимкам, присланным на творческий конкурс.

Игорь сел на троллейбус, взял билет и доехал до метро. На Проспекте Мира находилось почтовое отделение с пунктом междугородней телефонной связи. Заказав разговор, Игорь зашёл в кабину, глубоко вздохнул и набрал знакомый номер.

– Алло, – привычно ответила Татьяна.

– Танюшка, это я!

– Ой, Игорёк, привет! – бодро откликнулась девушка. – А я уж думала, что ты меня забыл.

– Не говори глупостей! Ты ведь знаешь, что дороже тебя у меня никого нет!

– Игорь, а у меня новость. Вчера позвонил твой отец и сказал, что собирается в Москву. Интересовался, не хочу ли я что-нибудь тебе передать.

– Передавать ничего не надо, спасибо. А когда отец прилетает?

– Сказал, что недели через две.

– Спасибо за хорошие новости, Танюшка. А что у тебя нового?

– У меня всё по-прежнему: готовлюсь к экзаменам, они начнутся второго августа, а если выкраивается свободное время, то хожу плавать в бассейн.

– С кем? – жёстко спросил Меньшов.

– С подругами, конечно, не буду же я ходить одна. Погода у нас замечательная.

– В Москве тоже жарко.

– А у тебя что нового? Как экзамены? – в голосе девушки промелькнула тревога.

– Я закончил фотосъёмку, Танюшка, и через два дня сдаю теорию фотографии. Хотелось бы прорваться без четвёрок.

– Желаю тебе удачи, родной!

– До встречи, Таня! Береги себя.

– Пока, – и в трубке прозвучали короткие гудки.

Игорь поехал к брату и два дня не выходил из дому, готовясь к экзаменам по физике и теоретической фотографии. Здорово помогали конспекты, которые он подготовил ещё зимой.

После разговора с Меньшовым, Татьяна не только порадовалась, но и загрустила. То, что у Игоря всё складывается хорошо – это замечательно. Он возвращается в круговороте вступительных экзаменов, стремится поступить в один из лучших институтов страны, а у неё пока одна серятина. Да, она готовится к экзаменам в медицинский и это требует усидчивости, но на улице жара, ярко светит солнце и больше всего хочется загорать и плавать.

Жаль, что Игоря нет рядом, обычно они вместе ходили на бассейн. Родители к этому привыкли и были за неё спокойны. Теперь же, когда верного рыцаря рядом нет, придётся обращаться к подругам. Таня подошла к зеркалу, распустила волосы и, критически осмотрев себя, набрала номер Вики.

Виктория Жаботинская была её самой лучшей подругой. С первого до последнего класса они сидели за одной партой, делились девичьими секретами, обсуждали наряды учительниц и вместе писали записки мальчишкам. Полная и грудастая Вика всегда пользовалась

успехом у старшеклассников, но, как ни странно, любимого парня себе не нашла. И когда Красавкина всерьёз закрутила с Игорем Меньшовым, она отдалилась от подруги.

Но сейчас Татьяна осталась одна и, ни минуты не раздумывая, позвонила Виктории. – Подруга, привет!

– Привет, Танюшка! Сколько лет, сколько зим! Как у тебя дела?

– В общем-то неплохо, но Игорь уехал на экзамены в Москву и я одна прозябаю.

– А ты как?

– О, у меня всё клёво! – Вика кокетливо засмеялась. – От пацанов просто отбоя нет!

– Ты, как всегда, в любовных играх. Смотри не залети, подруга!

– Не боись, Танюха, прорвёмся! А у нас новости: Пётр и Мишка, ну ты же помнишь, это ребята из соседнего класса, подали документы в военно-морское училище.

– Да ты что? Из нашей провинции, где вода только в кране, и на море? Невероятно!

– Представь себе, пацаны уверены в поступлении. У Мишки старший брат уже служит в Севастополе. Вот он его за собой и тянет. Романтика!

Таня решила прервать восторженную речь подруги, так как было ясно, что она неравнодушна к ребятам.

– Вика, на улице жара, не смотаться ли нам в бассейн?

– Ну ты прямо ясновидящая. Пётр час назад звонил и предложил поехать на Динамо, это конечная остановка первого трамвая. Там сегодня недорогие билеты. Ты пойдёшь?

– Да, конечно.

– Встречаемся на остановке. Возьми подстилку и твой фирменный, красный купальник.

В трубке раздались гудки и Таня невольно улыбнулась. Жизнерадостный оптимизм подруги просто завораживал. Пора было собираться. Она уложила в сумку пляжное одеяло, взяла махровое полотенце и тёмные, фирменные очки. Одев купальник, мини-юбку и полупрозрачную блузку она решила перед выходом позвонить на работу маме. – Здравствуйте, это педиатрия? Позовите пожалуйста доктора Красавкину, – и после паузы. – Мам, привет! Это я. Мы решили с Викой смотаться в бассейн. Да я уже поела и крем от загара взяла. Всё, пока, целую.

На улице было жарко и Татьяна, стараясь держаться в тени, быстрым шагом пошла к остановке.

Экзамен по теории фотографии прошёл без затруднений. Меньшов зашёл в аудиторию одним из первых и взял билет под номером четыре. Ответы на вопросы он знал и решил отвечать без подготовки, чем немало удивил преподавателей. На три дополнительных вопроса, заданных для проверки знаний, он ответил без запинки. Получив оценку отлично, Игорь в приподнятом настроении поехал домой. Надо было готовиться к экзамену по физике, повторить пройденный материал и попытаться решить наиболее трудные задачи. Старший брат уехал в командировку, Вероника почти целый день была на работе и, если Варвара Сидорова не мешала, то можно было спокойно заниматься.

Физику принимал доцент Суржиков из университета, так как ВГИК не располагал компетентными преподавателями. Меньшову достался седьмой билет, в котором электричество соседствовало с оптикой, а в задаче надо было раскрыть формулу движения крыла в воздушном потоке. Игорь с благодарностью вспомнил уроки брата Владимира, который научил его решать задачи по физике, а ответы на теоретические вопросы он и сам знал неплохо.

После десяти минут подготовки Меньшов вышел отвечать. Доцент Суржиков, не ожидавший такой прыти, сухо спросил:

- Вы готовы?
- Да, – Игорь старался говорить спокойно.
- Ну что ж, пожалуй начнём.

И начал он с того, что забрал у Меньшова конспект, который тот подготовил для ответа. Игорь растерялся, но затем взял себя в руки и постарался ответить как можно лучше. Подробно остановившись на теоретических вопросах, он блеснул затем оригинальным решением задачи.

Суржиков слушал абитуриента не перебивая, а за решение задачи даже похвалил, но потом стал задавать такие каверзные вопросы, что Игорь почувствовал как взмокла от пота рубашка. Несмотря на это, отвечал он чётко, иногда даже упреждая вопросы экзаменатора, но опытный глаз доцента заметил как напряжён абитуриент.

Он заглянул в его экзаменационный лист, увидел отличную оценку и решил не мешать парню в поступлении. Меньшов вылетел из аудитории как на крыльях. Толпа абитуриентов обступила его. – Ну как? Какой билет? Много ли дополнительных вопросов? – Всё в порядке, ребята! Доцент не придирается и ставит нормальные оценки, – он на прощание помахал рукой. – Всем привет!

Бегом спускаясь по лестнице, он налетел на высокого, седого мужчину с папкой в руках.

- Что случилось, молодой человек?
- Простите, ничего срочного, всё в порядке. Я случайно!

В этот момент Меньшов увидел Наташу, ассистентку кафедры, которая недовольно покачивала головой.

– Профессор, это абитуриент Меньшов. Он сдаёт вступительные экзамены на операторский факультет.

– И каковы ваши успехи, молодой человек? – профессор был хмур, но говорил без строгости в голосе. – Меня это интересует, так как вы поступаете в мою мастерскую.

Меньшов уже понял, что перед ним руководитель мастерской профессор Каменцев и, вынув из папки экзаменационный лист, робко проговорил:

- Простите, Игорь Витальевич, но я от радости так летел.
- Профессор взглянул на отметки и удовлетворённо кивнул.

– Похвально, молодой человек, сдаёте вы отменно, но должен предупредить, что основной экзамен у вас ещё впереди.

– Мне это понятно и я серьёзно готовлюсь к собеседованию, – Меньшов немного приободрился.

- А как обстоят дела с комплектом фотографий?
- Портрет в павильоне и репортаж на натуре я уже снял, а оценивать результат будете вы.

– Всё ясно. До встречи!

Профессор и Наташа ушли на кафедру, а Игорь, теперь уже шагом направился в лабораторию. Здесь он взял свои фотографии и пошёл в переплётную мастерскую. Дядя Вася встретил его приветливо, как старого знакомого. Он выбрал белые паспарту, подходящие по размеру и в течении получаса наклеил на них фотографии. Меньшов рассчитался и отнёс готовый комплект на кафедру.

Затем он поднялся в библиотеку и заказал книги по истории искусства. Он решил прочитать материалы по Древней Греции и искусству Возрождения. Не мешало припомнить также самые известные картины Эрмитажа и Третьяковской галереи. Он читал долго, подробно останавливаясь на деталях. Вечер наступил незаметно и Игорь вышел в коридор, чтобы позвонить брату.

- Саня, привет! С приездом! У меня хорошие новости: две отличные оценки!

– Молодец, парень! Так держать! Ты, кстати, где сейчас?

– В институте. – Садись на автобус и езжай ко мне. Вика приготовила вкусный ужин, а после еды мы поговорим.

Игорь сдал книги, попрощался с миловидной библиотечаршей и вышел из института. К вечеру жара спала, но воздух был ещё тёплый. Резкий запах сирени смешивался с выхлопными газами многочисленных машин. Лёгкий ветерок еле слышно шевелил ветками деревьев. Дышалось легко и хорошее настроение соответствовало вечернему покою.

Добравшись до дома, Меньшов поужинал с братом, а затем они обсудили ситуацию на экзаменах.

– Я так перепугался, когда столкнулся с профессором Каменцевым, – взволнованно говорил Игорь, – что подумал, будто всё для меня кончено. – Ты ещё хорошо отделался, – с усмешкой заключил брат. – Бывало, что и с экзамена за резвость выгоняли.

– Кошмар!

– Но есть и положительный момент в этом столкновении, ведь Игорь Витальевич уже запомнил тебя. Александр налил себе и Игорю чай, поудобнее устроился в кресле и стал обсуждать предстоящий коллоквиум, который является основным предметом на вступительных экзаменах. – Желательно, чтобы ты получил две отличные оценки по мастерству: одну за комплект фотографий, а вторую за общий уровень знаний в области искусства, театра и кино.

– Я, в принципе, к этому готов, – откликнулся Игорь. – Мне надо только ещё раз повторить материал.

– Не торопись! – остановил его Александр, – Две отличные оценки, если ты их конечно получишь, будут означать только то, что профессор Каменцев согласен принять тебя в свою мастерскую, но если ты после этого срежешься на одном из общеобразовательных предметов, то прощения тебе не будет.

– Саня, честно говоря, мне бы не хотелось подражать тебе, поступая в институт четыре года подряд.

– К сожалению, на операторский факультет ВГИКа редко кто проходит с первого раза.

Эти неприятные слова запомнились Меньшову и настроение сразу же испортилось. Вероятно это отразилось на его лице, так как Александр попытался смягчить ситуацию. Не отчаивайся, малыш! Просто в жизни надо быть готовым к неудачам и спокойно воспринимать их.

Через день Меньшов отправился в институт сдавать коллоквиум. У дверей сто девятой аудитории абитуриентов заметно поубавилось, так как те, кто срезался на первых двух экзаменах, уже отправились по домам. Игорь протиснулся к двери и одним из первых зашёл в аудиторию. За экзаменационным столом сидел профессор Каменцев, ассистентка Наташа и ещё двое серьёзных мужчин, преподаватели мастерской.

В этот раз Меньшов не сразу пошёл отвечать, а дождался когда один из абитуриентов явно провалил экзамен и только после этого вызвался отвечать.

Его логика была простой: ни один, уважающий себя преподаватель, не поставит подряд две отличные оценки, а после срезавшегося абитуриента, его шансы значительно возрастали.

Игорь поздоровался и предъявил свой экзаменационный лист. Наташа выложила на стол его комплект фотографий. Здесь были снимки, присланные на творческий конкурс и те, которые были сделаны на экзамене в институте.

– Скажите, Меньшов, – спросил профессор Каменцев, рассмотрев комплект фотографий, – чем вы руководствовались, делая эти снимки?

Он смотрел на абитуриента поверх очков не злобно, а скорее доброжелательно.

– Мне хотелось показать в своих работах окружающий нас мир таким, каким я его вижу.

Меньшов говорил напряжённо, стараясь сдержать волнение.

– Судя по вашим снимкам, жизнь это сплошной праздник! – профессор стал перебирать фотографии, тасуя их как карты. – Вот молодёжь гуляет по парку, тут дети на санках летят с горы, здесь спортивные соревнования и даже поцелуй молодожёнов на свадьбе, а это что такое?

– Это служба в польском костёле. Я попытался снять её в контровом свете, – Игорь от смущения боялся поднять глаза.

– А почему вы так робко говорите? Снимок действительно замечательный, снятый в репортажной манере и по свету очень хорош. Вот только одна бабуся упрямо смотрит в объектив.

– Хорошо, что только одна, – вдруг осмелел Меньшов. – Если бы они все обратили на меня внимание, то меня бы просто вынесли из церкви.

– О, да! – согласился Каменцев. – В основу нашей профессии заложена доля риска.

Он стал снова перекладывать фотографии и удовлетворённо заметил: – А вот, наконец-то, и производственная тематика.

– Скажите, Меньшов, что вы хотели отобразить на этих снимках?

Игорь приободрился, расправил грудь и уже почти раскованно сказал:

– Эти репортажные фотографии я снимал на автобусном заводе. Здесь и сборочный конвейер, и кузнечный цех, и зона отдыха.

– А как вы попали на завод? – уже заинтересованно спросил профессор.

– Наш класс проходил практику, а я не только работал, но и снимал.

– Расскажите подробнее о технической стороне съёмки, – вступил один из преподавателей.

– Зеркальная фотокамера с длиннофокусной оптикой, высокочувствительная плёнка, форсированный режим обработки.

Преподаватели удовлетворённо переглянулись, но, тем не менее, последовал новый вопрос.

– Как по-вашему, чем отличается павильонная съёмка от серии фотографий, снятых вами на натуре? Меньшов ответил не раздумывая.

– Снимки, сделанные в павильоне, это, прежде всего, работа с искусственным светом, а на натуре мы получаем изображение за счёт естественного освещения.

Вероятно ответ Меньшова удовлетворил преподавателя, так как следующие вопросы уже не касались фотографий, а были заданы профессором из области изобразительных искусств.

Его интересовали знания абитуриента о собрании картин Эрмитажа и Третьяковской галереи. Игорь без труда называл автора и год написания картины, а также творческое течение к которому он принадлежал. Большим подспорьем в ответах оказались те книги по искусству, которые он долго штудировал. Беседа продолжалась ещё минут двадцать, но по выражению лица профессора Меньшов понял, что чаша весов склоняется в его сторону. И когда второй педагог задал традиционный вопрос о лучшем фильме, в руках профессора Каменцева уже блеснул золотым пером тёмно-вишнёвый «Паркер».

– Я могу судить только о фильмах, которые сам смотрел, – Игорь постарался скрыть смущение, – но надо понять, по какому критерию оценивать лучшую картину?

– Оценивайте с точки зрения операторской работы, – подсказал профессор.

– Я бы назвал картины «Судьба человека» и «Баллада о солдате». Для них характерна не только профессиональная режиссура Бондарчука и Чухрая, но и блестящая операторская работа. – Достаточно, – сказал Каменцев и чётко написал в экзаменационном листке Меньшова: – Фотография – отлично, Собеседование – отлично.

– Желаю успехов, молодой человек. Надеюсь, мы встретимся с вами в начале учебного года.

– Мне бы этого тоже хотелось, – Меньшов раскраснелся и не смог сдержать счастливой улыбки.

– Он вышел из аудитории, пробился сквозь толпу абитуриентов, перепрыгнул через несколько ступенек и, включив мобильник, позвонил брату.

– Привет, Саня! Можешь меня поздравить, двадцать баллов из двадцати!

– Молодец, я рад за тебя! Осталось всего-то ничего, сдать три общеобразовательных экзамена. Я надеюсь, что ты доведёшь это дело до конца.

Меньшов действительно дошёл до конца, но какой ценой и с каким результатом...

Экзамен по русскому языку и литературе он сдал на отлично, продемонстрировав свои знания не только программных, но и классических произведений русской литературы.

Следующим экзаменом была история России, единственный предмет, который нравился в школе Меньшову. Он отвечал без запинки и отличная оценка показала, что подготовка к экзамену не прошла даром.

И вот, наконец, последний экзамен – сочинение. Меньшов выбрал свободную тему, так как она затрагивала вопросы искусства. Писать он старался простыми предложениями, чтобы не допустить ошибки. Всё сочинение уместилось на трёх стандартных страницах, где Игорь попытался рассказать о портретной живописи Третьяковской галереи. Слово галерея встречалось в сочинении девять раз и во всех случаях Меньшов написал это слово с двумя «л» в середине. У него даже не возникло сомнения в том, что это слово может писаться иначе.

Оценку «хорошо», которую ему поставили за сочинение, Игорь воспринял как удар в спину. Он сразу же пошёл на кафедру, чтобы узнать сколько абитуриентов набрали 34 балла. Таких оказалось пять человек и ещё одна девушка, у которой было 35 баллов из тридцати пяти возможных.

«Ну, с девушкой всё ясно, – подумал Меньшов, – а вот кто-то из шести кандидатов окажется не у дел. На зачислении, вероятно, будет драка!»

Зачисление абитуриентов в институт было назначено на двадцать шестое июля, причём для всех факультетов одновременно.

Отец прилетел в Москву, как всегда, без предупреждения. Игорь увидел его в вестибюле института и торопясь пошёл навстречу. Отец не любил сентиментальностей, но сейчас прижал сына к себе.

– Пап, ты что прямо с самолёта?

– А как же иначе, ведь у тебя намечается большое событие!

– О, если бы меня зачислили в институт, то я бы мог считать, что цель жизни достигнута. – Цель жизни нельзя определить в восемнадцать лет, вот когда ты станешь старше, то сам поймёшь это.

– Допустим, что я соглашусь с тобой, но всё же на данном этапе поступление в институт для меня главное событие.

– Вероятней всего да, – отец на минуту задумался. – Теперь, чтобы сменить обстановку, я предлагаю поехать со мной.

– Я не знаю что ты задумал, но ехать к Саше домой сейчас не имеет смысла. Там командует тёща и, если не хочешь испортить себе настроение, от неё надо держаться подальше.

– Не рассуждай, парень, а слушайся старших. Сейчас мы возьмём такси и поедem в гостиницу «Националь», там заодно и пообедаем.

– Предложение принимается, – улыбнулся Игорь и они с отцом вышли из института.

День выдался солнечный и жаркий. Большинство горожан поехали на дачи, но город всё равно не казался безлюдным. На стоянке у «Туриста» несколько такси ожидали пассажиров. Договорившись с водителем и назвав адрес, они сели в машину.

– Как дела дома, папа? – Игорь казался невозмутимым, но голос выдавал его волнение.

– У нас всё в порядке, мама целыми днями работает, но, тем не менее, очень за тебя переживает.

– Да ладно, переживём. Всё будет в порядке!

– Для того, чтобы немного отвлечь её, я принёс в дом котёнка.

– Вот здорово, а как назвали?

– Не мудрствуя лукаво, Максом. Он такой разбойник, катается по полу и дерёт обои, но в тоже время ласковый и ужасно смешной. Забот с ним правда много, но красив мерзавец и радости от него больше, чем вреда.

– А какого цвета? – поинтересовался Игорь.

– Тёмно-серый, почти чёрный. Знающие люди говорят, что это известная английская порода, а вот что из него вырастет – мы ещё посмотрим.

– Будем надеяться, что котёнок принесёт в дом удачу, – Игорь улыбнулся, но улыбка получилась какой-то грустной.

Они вышли из такси на Тверской и по подземному переходу прошли к гостинице «Националь». Она располагалась в центре Москвы и из окон был виден Кремль, но окна первого этажа были заставлены рекламными щитами. Как только они вошли в ресторан, к ним подошёл официант и проводил к свободному столику. Тот час же им подали меню и карту вин. Отец заказал фирменный обед, красное Рейнское вино и коньяк.

– Не подумай, что я приучаю тебя к спиртному. Нет, просто я устал с дороги, а у тебя сегодня особенный день. Возможно многое решится в твоей жизни.

– Я надеюсь на лучшее, – Игорь натянуто улыбнулся.

Официант принёс обед и аккуратно расставил тарелки. Есть не хотелось, вероятно сказывалось напряжение последних дней. Отец наполнил рюмки и, ободряюще улыбнувшись, сказал:

– Выпьем за твои успехи, сын. Будь молодцом, держи удар, но не огорчайся в случае неудачи. Жизнь на этом не кончается.

– У меня высокие баллы и фотографии одни из лучших на курсе, – запальчиво произнёс Игорь и залпом выпил коньяк.

Спиртное остро резануло горло и он, хватая воздух, открыл рот. – Эх ты, вояка, – улыбнулся отец. – Закуси-ка, – он протянул сыну бутерброд с красной икрой. Немного отдышавшись, Игорь принялся за первое. Уха была, действительно, хороша, но всё-таки мама готовила её лучше. Отец ел, как всегда, неторопливо, изредка подливая себе коньяк, а Игорь к мясу предпочёл красное вино. После обеда они решили отдохнуть и поднялись в 326-ой номер, в котором остановился отец. Игорь скинул ветровку, расстегнул рубашку и приоткрыл окно. Шторы от ветра выгнулись парусом. Красная площадь и Кремль были видны как на ладони.

– Вид просто замечательный! – восхитился Меньшов.

– Да, сейчас здесь красиво, – согласился отец, – но я помню Москву во время войны. Дома и улицы были другими, всё было покрыто снегом, действовало круглосуточное затемнение и ни огонька вокруг, но всё равно я с тоской вспоминаю то время, ведь мы были молодыми и, казалось, всё лучшее у нас ещё впереди. – Тебя можно понять, у каждого поколения своё звёздное время, которое вспоминается всю жизнь.

Игорь снял рубашку и направился в ванную. Он принял душ, затем выпил чай, принесённый кельнером в номер. Отец взглянул на него и сказал:

– Ты выглядишь усталым, сын. Останься на ночь, выспись, а с администрацией я договорюсь.

– Хорошо, я согласен, только разбуди меня в семь утра. Мне бы не хотелось опоздать на зачисление.

Игорь заснул сразу же, как только голова коснулась подушки и в тот же миг, как ему показалось, отец разбудил его. Он стоял у кровати подтянутый и свежевыбритый.

– Доброе утро, студент!

– Привет, папа. Я ещё не студент, но сегодня всё должно решиться. Игорь быстро оделся, побрился и спросил:

– Где мы сегодня завтракаем?

– В кафе! – бодро ответил отец, повязывая галстук. – Там с утра вкусные булочки и очень приличный кофе. Я сегодня весь день в министерстве, но после работы могу заехать за тобой в институт.

– Нет, папа, спасибо. Я освобожусь значительно раньше и сразу же поеду к брату.

– В таком случае встретимся у него вечером.

После завтрака они вышли из гостиницы на улицу. Летний зной висел в воздухе и даже в тени было жарко. О том, чтобы перейти на солнечную сторону не могло быть и речи. У метро они простились. Отец направился к стоянке так си, а Игорь спустился в подземный переход к метро.

– В вестибюле института стоял необычный гул, так как здесь собрались абитуриенты всех факультетов, уже сдавшие вступительные экзамены. Зачисление во ВГИК проходило иначе, чем в другие институты Москвы. Здесь не вывешивали традиционные списки счастливых, а вызывали каждого претендента на собеседование в кабинет ректора. В ректорате собрались не только члены приёмной комиссии и профессора ведущих кафедр, но и представители киностудий, которые пытались распознать в юных дарованиях будущих мастеров кино.

Меньшов протиснулся в коридор первого этажа, миновал стайку хорошеньких актрис, внимательно пригляделся к будущим режиссёрам, сознательно отвернулся от бородатых художников и встал у стены, как раз напротив кабинета ректора.

Ровно в десять часов секретарь приёмной комиссии начала вызывать абитуриентов на зачисление. Первыми пошли кандидаты в режиссёры. Даже в начале творческой карьеры будущих студентов стали приучать к субординации.

Затем стали вызывать экономистов, это будущие администраторы и директора фильмов, за ними актёров, потом художников и, наконец-то, операторов.

На каждый факультет, учитывая специфику института, принималось по конкурсу от десяти до двадцати человек. К ним прибавлялись студенты-иностранцы и направленные от специальных организаций. На курсе в среднем занималось около двадцати человек, остальные находились в творческом поиске или зарабатывали деньги где-то на стороне.

Когда на зачисление стали вызывать абитуриентов операторского факультета, Меньшов напрягся как зверь перед прыжком. Первым прошёл Гена Струбицын, серьёзный, немногословный, уже повидавший жизнь человек. За ним Толя Семёнов, высокий, худой парень, а вслед за ним Витя Переверзев – весёлый балагур и остряк.

Но вот дверь распахнулась и секретарша, невысокая, полная женщина с очками на кончике носа, громко произнесла:

– Меньшов!

Игорь уже два часа ждал этого слова, а когда услышал его, то не сразу понял к кому оно обращено.

– Игорь Меньшов! – ещё громче повторила секретарша. В её голосе прозвучало нетерпение.

– Я здесь! – отозвался Меньшов и сам не узнал своего голоса. Он резко оттолкнулся от стены, протиснулся между спинами двух высоких парней и предстал перед секретаршей.

– Ну что же вы, молодой человек, – с укоризной сказала она. – Вас ждут, а вы прячетесь. Проходите!

Игорь вошёл в приёмную, открыл массивную дверь и сразу же оказался перед комиссией. За широким столом сидел ректор Иван Петрович Добряков, держа в руках объёмистую папку с документами. Его лицо было знакомо Меньшову по фотографии, висевшей в коридоре института. Рядом находился профессор Каменцев, оживлённо беседовавший с деканом операторского факультета. Остальные лица слились для Меньшова в сплошное, напряжённое пятно и, когда раздался негромкий, но властный голос ректора, он ещё не успел прийти в себя.

– Скажите, Меньшов, что вас привело в наш институт? – спросил Добряков, вопросительно взглянув на абитуриента. – Почему вы решили стать кинооператором?

Игорь стараясь смотреть только на ректора, чётко ответил:

– Я уже четыре года занимаюсь фотографией, неоднократно публиковался и получил несколько призов на выставках. Мне нравится это дело и я считаю, что различие между фото и кинокамерой не так уж и велико: всего-то 24 кадра в секунду, – Меньшов, казалось, осмелел и говорил уверенно. – Как большинство мальчишек я с детства был заморожен магией кино. – Но почему-то не все мальчишки решаются поступать в институт кинематографии, – едко заметил ректор.

– Решение о поступлении на операторский факультет ВГИКа я принял соз, нательно, – как бы не замечая иронии ректора, ответил Меньшов.

Профессор Каменцев, убедившись, что ректор взял паузу, заинтересованно спросил:

– Мне интересно знать, оператором какого профиля вы собираетесь стать. – Оператором художественного фильма, – не задумываясь, ответил Игорь.

Профессор удовлетворённо кивнул и тут же занялся какими-то бумагами, разложенными на столе. Далее Меньшову были заданы несколько второстепенных вопросов и в заключение ректор Добряков сказал:

– Спасибо, молодой человек, мы вас выслушали, а теперь подождите в коридоре. Решение приёмной комиссии вам сообщит секретарь.

Игорь, страшно волнуясь, попрощался и вышел из кабинета. Он, казалось, не замечал, что происходит вокруг. Вот стали вызывать на зачисление других абитуриентов. Некоторые из них имели не только хорошие оценки, но и производственный стаж, что увеличивало шансы на поступление. Предчувствие неудачи уже казалось не покидало его и, когда абитуриенты стали расходиться, он несмело вошёл в приёмную. – Простите, – обратился он к секретарше, которая сосредоточенно глядела на экран монитора, – вы не скажете какое решение приняла комиссия? Она оторвалась от экрана, поправила очки и строго ответила:

– Вы не прошли по конкурсу, Меньшов, но приёмная комиссия, учитывая хорошую подготовку к экзаменам, рекомендует вам поступать в институт в следующем году.

Его оглушило, он не чувствовал ни рук, ни ног, ни головы. Ничего не сказав, Меньшов повернулся и на негнущихся ногах вышел в коридор.

Жить не хотелось!

Недавно шумные коридоры института уже опустели и только уборщицы мокрыми тряпками смахивали пыль. Игорь вышел на улицу, залитую солнечным светом. Стояла нестерпимая жара. Он медленно дошёл до автобусной остановки, но почувствовав себя плохо, решил взять такси.

У перекрёстка мелькнул зелёный огонёк и шофёр, резко затормозив, весело спросил:

– Куда рулить, парнишка?

– На Дмитровское шоссе, – вяло отозвался Меньшов, усаживаясь рядом с водителем.

Он не мог привыкнуть к развязности и лихачеству столичных таксистов, работавших по принципу: еду не туда, куда надо клиенту, а куда сам захочу. Но уже через полчаса Игорь был доставлен по адресу и подошёл к знакомому многоэтажному дому. Дверь ему открыл отец и, взглянув на сына, всё сразу же понял. Они молча прошли в комнату, отец закурил, а Игорь тяжело, как старик, опустился на диван. В комнату влетела Вероника и тотчас же зашебетала:

– Привет, Игорёк! Тебя можно поздравить?

– Нет! – резко ответил Меньшов. – Меня не приняли в институт, – и, взглянув на отца, просительно добавил: – Мне бы сигарету сейчас, а?

Отец протянул ему пачку «Мальборо», а Вероника робко спросила:

– Может дать тебе таблетку «Седуксена», всё ж полегче станет.

– Спасибо, но с этой проблемой я постараюсь справиться сам.

Меньшов закурил и грустно уставился в пол. Отец, стараясь разрядить обстановку, достал из кармана запечатанный конверт и протянул его сыну.

– Игорь прочти, это письмо от Тани.

Он благодарно улыбнулся и разорвал конверт. Письмо было написано знакомым, аккуратным почерком и к нему прилагалась фотография Татьяны с букетом цветов в руках. Она была снята на фоне городского фонтана в летнем платье и выглядела очень красивой. Игорь перевернул снимок и прочёл.

– Люблю, жду, Татьяна.

В письме подробно описывалось как Таня готовится к поступлению в институт, что ест, что пьёт и как проводит свободное время. В письме не содержалось ничего нового и оно показалось Меньшову необязательным. Он бросил его на стол.

– Как проходило зачисление? – негромко спросил отец.

Игорь старался говорить спокойно, но это у него не очень хорошо получалось.

– В приёмной комиссии было много людей и я, честно говоря, растерялся.

Потом меня стали расспрашивать и я вроде нормально отвечал, а затем меня попросили подождать в коридоре, вот только пригласить обратно забыли.

– Не падай духом, сын! В жизни всякое бывает: и плохое и хорошее, на то она и жизнь.

– Мне от этого не легче, папа.

Дверь приоткрылась, в комнату снова протиснулась Вероника. Она пригласила всех к столу. После еды жизнь уже не казалась Меньшову такой безнадёжной, а когда отец предложил завтра же улететь домой, Игорь с облегчением вздохнул и сразу же согласился.

Родной город встретил их прохладным дождём. Игорь издали увидел знакомую фигурку Татьяны и у него заметно потеплело на душе.

«До чего же милое создание! – улыбнувшись, подумал он. – И одета просто как куколка».

Таня, увидев Меньшова, вырвалась из толпы встречающих и повисла у него на шее. От неё так пахло духами, что у Игоря закружилась голова.

– Ты только сейчас ничего не рассказывай, – прошептала она, целуя его в щёку. – Как-нибудь в другой раз, но только не сейчас. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Игорь и повернулся к отцу. – Мы возьмём такси?

В этом нет необходимости, – отец снова почувствовал себя руководителем.

– Машина уже ждёт нас.

И действительно, серый, служебный «Passat» круто развернувшись, подъехал к ним. Отец открыл переднюю дверцу, поздоровался с водителем и чётко приказал:

– Сперва домой, отвезём детей, а потом на завод.

Игорь с Татьяной расположились на заднем сидении и машина, быстро набирая скорость, понеслась к городу. Он взял Таню за руку, а она сделала вид, что не заметила этого.

– А у меня хорошие новости, – девушка поправила сбившуюся прядь волос. – Я подала документы в институт и, в общем-то, готова к экзаменам.

– Мне бы хотелось, Танюшка, чтобы тебе повезло и ты стала студенткой. Ты ведь у меня удачливая!

– Дело не только в везении, – засмеялась Татьяна. – Просто нужна хорошая подготовка.

Машина ворвалась в перекрестье городских улиц и, немного сбавив скорость, поехала к центру. Вокруг замелькали трёхэтажные домики, небольшие площади и зелёный массив городского парка.

– Я должен вас побеспокоить, молодые люди, – повернулся к ним отец. – Мы конечно же обсудим всё на семейном совете, но моё мнение я выскажу сейчас, – он приоткрыл окно, как будто ему не хватало воздуха. – До следующего лета ещё много времени и я считаю, что Игорь должен пойти работать. И ни в какую-то серую контору, а ко мне на завод. Там такие ребята, что быстро из тебя человека сделают!

– Я так понимаю, папа, что пост начальника цеха ты мне не предложишь?

– Правильно мыслишь, сын и я думаю, что начать ты должен слесарем-прибористом в сборочном цехе.

– Но это же грязная и тяжёлая работа, – возмутилась Таня, как бы незаметно освобождаясь от рук Игоря.

– Ничего, мой сын справится, – уверенно сказал отец. – Я начинал подсобным рабочим, а стал начальником производства.

«Passat» подъехал к дому и, когда все вышли, Татьяна вдруг заторопилась.

– Меня родители ждут, Игорь, – расстроено сказала она. – Я обещала вернуться в шесть, а сейчас уже около семи. Сам понимаешь.

– Да, конечно, Танюшка, иди. Я позвоню тебе вечером, – Меньшов как-то по-новому взглянул на девушку.

Когда Таня ушла, Игорь с сожалением сказал:

– Этого следовало ожидать.

– Не беспокойся, сын, – отец положил ему руку на плечо, – она ещё вернётся.

Через неделю, после оформления документов в отделе кадров, Меньшов начал работать в сборочном цехе завода. Цех поражал не только своими гигантскими размерами, грохотом прессов и жаром печей, но и сплочённостью коллектива. У конвейера работали, в большинстве своём, молодые люди, так что особой разницы в возрасте он не чувствовал.

Меньшов закончил среднюю политехническую школу и уже имел третий производственный разряд, с которым его и приняли на работу. В бригаде было десять парней и две девушки, но несмотря на молодёжный состав, бригаду прозвали холостяцкой. Молодёжь активно флиртвала, но о свадьбе пока никто не задумывался и даже бригадир Николай Иванович Строгожин, высокий, широкоплечий мужик ещё не был женат.

Влиться в коллектив Меньшову было не просто, но благодаря своему упорству он добился признания и ему стали доверять ответственные задания. Так как с парнями он не спорил и девушек не обижал, нареканий на него не было.

В первые дни работы на конвейере, когда от визга электродрели гудела голова, а на крепление деталей отводились считанные минуты, Игорь уставал к концу смены так, что с трудом добирался до дома. Но со временем усталость стала проходить, уступая место профессиональному мастерству. Работой он был доволен, а когда получил первую зарплату, то даже себя зауважал. В перерыве к нему подошёл бригадир Строгожин и сурово сказал:

– Значит так, Игорь, у нас в бригаде сложилась традиция: с первой зарплаты подарок родителям. Так что давай, выполняй!

– Всё понял, Николай Иванович, сразу же после работы я пойду за подарками.

Закончив смену и приняв душ, Меньшов отправился по магазинам. Отцу он купил новую электробритву, маме флакон французских духов, а затем мимоходом заглянул в ювелирный магазин. Здесь он увидел золотые серёжки, которые так нравились Татьяне. Он уже не видел её три недели, а разговоры по телефону сводились только к экзаменам и оценкам, которые получила Таня.

«Неужели всё так и закончится? – с сожалением подумал Игорь. – Ведь мы любили друг друга, но, кажется, наши пути разошлись».

На серьги денег явно не хватало и, не особенно расстроившись, Меньшов отправился домой. В связи с первой зарплатой сына, отец выставил на стол бутылку французского вина и, как бы не замечая укоризненного взгляда матери, провозгласил тост.

– Я поздравляю тебя, Игорь с трудовыми успехами и предлагаю выпить не только за твою первую зарплату, но и за то, чтобы ты всегда оставался человеком!

– Постараюсь! – Игорь поднял рюмку и в это время зазвонил телефон.

Трубку взяла мама.

– Здравствуй Таня. Да, конечно, я сейчас его позову.

Игорь подошёл к телефону.

– Поздравь меня! – весело сказала девушка. – Я поступила в медицинский институт!

«Теперь пропасть между нами станет ещё глубже» – с горечью подумал Меньшов.

– Куда ты пропал, Игорь? – окликнула его Татьяна, стараясь прервать возникшую паузу.

– Поздравляю тебя, Танюшка, ты, как всегда, на высоте.

– Я хочу, чтобы мы сегодня встретились! – твёрдо заявила девушка.

– Уж не для того ли, чтобы пропить мою первую зарплату?

– О, это хороший повод! – подтвердила Татьяна. – Я сейчас приеду, – и положила трубку.

Игорь встретил её у подъезда. Татьяна была одета в фирменные джинсы и полупрозрачную светлую блузку. Длинные, тёмные волосы волнами падали по плечам. У Игоря перехватило дыхание.

– Ты прелестна как богиня! – он поцеловал ей руку.

– Вечно ты со своими комплиментами, – капризно сказала девушка, но всё-таки мило улыбнулась.

Они поднялись в квартиру, где отец, уже по второму заходу, наполнял рюмки. Таня села за стол рядом с Игорем и отец, стараясь не глядеть на мать, провозгласил:

– Теперь у нас двойной повод выпить: мы отмечаем первую зарплату Игоря и поступление Татьяны в институт.

За столом было шумно, весело и непринуждённо, как в прежние времена.

С этого дня они вновь стали встречаться каждый день. Это был какой-то запой любви. Они гуляли не разнимая рук, загорали вместе на озере и плавали в бассейне. Даже, когда наступила осень и стало холодно, Игорь уговорил Таню поехать на рыбалку. Рыбак он был никакой, но очень хотелось разнообразия и эта рыбалка им надолго запомнилась, так как Меньшов, стараясь подцепить ускользающую рыбу, прямо в одежде рухнул в воду.

Повестка из военкомата пришла неожиданно и Меньшов, как бы сразу, спустился с небес на землю. Медицинскую комиссию он прошёл ещё зимой и вызов в военкомат мог означать только одно: призыв на службу в армию.

Игорь сперва позвонил бригадире, объяснил ситуацию и предупредил, что не выйдет сегодня на работу, а затем, собравшись с духом, позвонил Татьяне.

В трубке долгое время раздавались гудки и он подумал, что девушки нет дома, но вдруг услышал её голос.

– Алло! – как-то весело сказала она. – Привет, Танюшка!

– Здравствуй, Игорь.

– Рад тебя слышать, малышка.

– Что-то голос у тебя печальный.

– Дело в том, что у меня неприятное известие.

– Не понимаю! Что за новость у тебя? Ты можешь сказать в чём дело?

– Я получил повестку. Это означает призыв в армию. Завтра в десять утра я должен быть в военкомате.

– Ничего себе известие! Игорь, ты не переживай, может всё ещё обойдётся. Я весь день буду дома, поэтому как освободишься, сразу же приезжай ко мне.

– Хорошо, – вяло проговорил Меньшов, – я приеду, но настроение у меня скверное. Просто кошки скребут на душе. – Как говорила моя бабушка: «Раздели беду с друзьями и беда твоя уж и не беда вовсе». – Просёк?

– Всё понял. До завтра, Таня.

Игорь оставил повестку на столе, чтобы родители могли её увидеть, затем вымылся, почистил зубы и пораньше лёг спать. Сильно болела голова и нервозность не проходила. Всю ночь он крутился с боку на бок, часто вставал попить воды и только утром, приняв душ, почувствовал себя лучше.

На завтрак мама приготовила яичницу с колбасой, салат из помидоров и огурцов. Игорь с удовольствием поел, выпил чашку горячего кофе, быстро оделся и собрался уходить. В комнату, повязывая галстук, зашёл отец.

– В армии не так уж и плохо. Дисциплина, порядок, регулярное питание.

И войны никакой сейчас нет. – Войны нет, а ребята гибнут, – тут же встряла мама.

– Так и под машинами тоже гибнут, а если парень с головой, то и в армии не пропадёт.

– Ну это если голова здоровая, а у нашего болит периодически. Мушки перед глазами бегают? – обратилась она к сыну.

– Да какие мушки, мама! Подумаешь, голова болит. Пробегу кросс и всё пройдёт.

– Ладно, хватит вам спорить, – отец собрался на работу. – После военкомата позвони, чтобы мама не волновалась, – и уже открыв дверь, добавил: – Держись молодцом и в обиду себя не давай!

Игорь поднялся, накинул куртку и, прихватив документы, вышел из дому.

Глава вторая. Институт

Личная жизнь Татьяны после поступления в институт сильно изменилась.

Как говорили подруги, она просто стала бить ключом. И дело не только в том, что вместо нудных уроков она слушала лекции известных профессоров, а математика была заменена на анатомию. Нет, главное изменение школьной жизни на студенческую заключалось в том, что вместо детской влюблённости одноклассников, на неё стали заглядываться студенты старших курсов и даже некоторые преподаватели. Она была красива, обаятельна и её лицо часто озарялось приветливой улыбкой.

Если подруги приглашали Таню сходить после лекций в кино или на дискотеку, она никогда не отказывалась. Но откровенно дерзкие ухаживания ребят она отвергала, вспоминая при этом Меньшова. Его лицо, крепкие руки и почти святую преданность ей, Татьяна помнила всегда.

Когда Игорь уехал на экзамены в Москву, она не очень скучала, времени на это просто не хватало: то экзамены, то семинары, то занятия в анатомичке.

Вихрь новой жизни буквально захватил её. Когда Игорь вернулся домой, не поступив в институт, что заметно разнило их в социальной градации, их отношения стали напряжённее, но затем с обоюдного согласия снова восстановились. Конечно не было уже той детской привязанности, которая так восхищала её, но сохранились близкие отношения двух взрослых людей, которые ценят друг друга. Таня легко вошла в студенческий круг медицинского института. Ей нравились почти все предметы, которые им преподавали. Она с увлечением слушала лекции по биологии, без страха входила в анатомичку и только общественные предметы была вынуждена зубрить. Её красота и точённая фигурка не остались без внимания однокурсников. Приглашения следовали одно за другим:

– Таня, у меня два билета в театр на заезжих гастролёров, пойдём? – застенчиво спрашивал Миша Крылов.

– Танюш, ты знаешь, это такой кайф, рок группа из Англии, мне папан билеты скинул, – Пётр Мельников буквально раздевал её глазами.

А когда в перерыве за её столик в буфете садился преподаватель философии Марк Шутовский и, гипнотизируя выпуклыми глазами, начинал рассуждать о всемирной глобализации, Татьяне становилось дурно. Но постепенно всё встало на свои места: случайные поклонники отпали, любители лёгкого секса переключились на более доступных девочек, а шустрых преподавателей у выхода из института ожидали располневшие жены.

Татьяна делала маникюр, когда позвонил Игорь. Его звонок и повестка в военкомат, всё это было как-то некстати и выбивало Таню из привычного ритма, а она этого не любила. Можно было, конечно, посоветоваться с мамой, всё-таки к мнению зав. отделением определённо прислушиваются, но подумав, она решила не вмешиваться.

«Игорь взрослый человек и должен понимать, что два года в армии, это напрасно потерянное время, но у него своя голова на плечах, вот пусть сам и разбирается».

До военкомата Игорь доехал на трамвае, на ходу соскочил с подножки и оказался перед старым, приземистым зданием, окружённым высоким забором. У дверей собралась толпа призывников. Все до единого курили, незлобно переругивались и старались держаться как можно уверенней.

– Эй, шкет, сопли подотри! – обратился здоровенный бугай к маленькому, невзрачному пареньку.

– Отстань от него, Вася, – попытался образумить здоровяка, худенький, интеллигентный парнишка.

– Заткнись, скрипач, а то вместе с ним парашу драить отправлю, – распалился Василий, который ещё до призыва чувствовал себя старшим.

Дверь военкомата со скрипом отворилась и на пороге появился полный майор с папкой руках.

– Что за шум тут у вас в рабочее время? Кто выясняет отношения?

– Да вот, товарищ майор, навожу порядок среди новобранцев, – уже спокойнее пояснил Василий.

Майор внимательно посмотрел на него.

– Порядок поддерживать надо, но разводить дедовщину незачем, – он оглядел притихших призывников. – Кто с повесткой на девять часов подойдите ко мне.

Меньшов вместе с несколькими призывниками протиснулся к двери, сзади напирал неугомонный Василий. Майор прошёл внутрь здания и ребята потянулись за ним. Они поднялись на второй этаж и майор жестом показал на стулья.

– Вызывать будем по одному. Ждите! – А чего ждать-то? – возник Василий. – Щас ать-два и в атаку вперёд!

– Да угомонись ты в конце-концов! – не выдержал Игорь. – Орёшь как псих ненормальный.

– Кто псих? Я псих? – взорвался бугай. – Да я тебе щас пасть порву!

Он схватил Игоря за рубашку, дёрнул на себя, но Игорь резко ударил его по рукам и завязалась потасовка. На шум тут же прибежали два здоровенных сержанта и растащили дерущихся. Дверь приоткрылась и выглянул испуганный майор.

– Ты чего, Рябчиков, опять хулиганишь! Давно в психушке не был?

– А мне что психушка, что тюрьма всё одно! Хотя сейчас сажайте, всё равно сбегу! – в запале выкрикивал раскрасневшийся Василий.

– Щас как врежу! – тут же возник сержант.

– А ну смирно! – выкрикнул майор. – Чтоб тишина была. Меньшов пройдите в кабинет.

Игорь отряхнулся, поправил рубашку и вошёл в кабинет. Он успел заметить двух девушек за столами и худого мужчину в белом халате. Потом сильно заболела голова, перед глазами всё замелькало, а ноги ослабели настолько, что он тихо опустился на пол. – Эй, ты что? – выкрикнула одна из девушек.

– Вот только симулянта нам не хватало! – резко сказал врач.

Нет, Игорь не терял сознания, он слышал все голоса, но видел только лампочку, которая свисала на проводе с потолка. Врач присел около него, оттянул веко, попытался нащупать пульс и громко сказал:

– Света, дайте нашатырь и вызовите скорую. Похоже он не симулирует.

Где он находится и сколько прошло времени Меньшов понять не мог. Было темно, в коридоре за стеклянной дверью горела лампочка. Он лежал на кровати, а к правой руке спускался шланг капельницы. Слева поскрипывали пружины кровати и кто-то громко храпел.

«Похоже, что я в больнице, – тоскливо подумал Игорь. – Вот так попал!»

Спать не хотелось, болела голова, а встать сил не было. Часа через два начало светать, в коридоре захлопали двери и в палате включили свет. Появилась медсестра в белом халате и накрахмаленной шапочке. Она подошла к кровати Меньшова, быстро отключила систему и бодро сказала:

– Всем доброе утро, пора вставать. Застелите постели, умойтесь и побрей побрейтесь. У нас сегодня будет обход. Сестричка сразу же упорхнула за дверь, а Игорь ничего не успел спросить.

Справа, с большим трудом, сполз с кровати толстый дядька. Его лицо покраснело от напряжения.

– Простите, вы не скажете где я?

– Как это где! В неврологии. Тебя вчера по скорой привезли. Что-то вкололи, потом капельницу поставили, вот ты и заснул.

– А поговорить с врачом можно?

– Обход будет и поговоришь!

Игорь попытался сесть на кровати, но снова закружилась голова и потолок поплыл.

«А как же в туалет?» – мелькнула мысль.

Как бы в ответ на это, открылась дверь и появилась толстая санитарка с судном в руке.

– Меньшов, тебе не велено вставать, поднимай попу, все дела в кровати будешь делать.

– Да вы что, я сам, мне бы только до туалета дойти.

– Сказано лежать, значит лежать, а то привяжу к кровати, мне это недолго.

Пришлось подчиниться, затем сестра протерла ему руки гигиенической салфеткой и только после этого принесла завтрак. Когда начался обход, все больные встали у своих кроватей, только Меньшов лежал. В палату вошли врачи и старшая сестра с журналом назначений. Они по очереди беседовали с каждым больным и наконец подошли к кровати Меньшова.

– Как самочувствие, молодой человек? – спросил его седой врач, очевидно зав. отделением.

– Спасибо, хорошо, вот только голова немного кружиться.

– Насчёт хорошо, вы конечно погорячились, – вступил в разговор худощавый врач, который осматривал Игоря в военкомате. – Голова болит, мушки перед глазами бегают?

– Да, к сожалению.

Врачи о чём-то поговорили между собой и старший обратился сестре:

– Компьютерную томографию, энцефалограмму, общий анализ крови и мочи. Срочно!

– Доктор, мне бы домой поскорее. Родители волнуются.

– Да, да, конечно, – скороговоркой проговорил врач и перешёл к следующему больному.

То, что его выписывать не собираются, Игорю стало понятно через несколько дней, когда после обследования к нему в палату зашёл лечащий врач Синельников.

– Не хочу вас расстраивать, Меньшов, но результаты анализов у вас не блестящие. Будем лечиться и прошу вас неукоснительно выполнять все медицинские предписания.

– И как скоро домой?

– А это уже зависит не только от врачей, но и от вашего желания помочь себе. Так что старайтесь! Я уверен, что всё будет хорошо! – и доктор Синельников быстро вышел из палаты.

Потянулись томительные дни пребывания в больнице: после завтрака приём таблеток, затем капельница часа на два, а после обеда массаж и инъекции. Ужин, как правило, начинался в шесть часов и плавно переходил в просмотр телевизора, но уже через пару часов свет в палате выключался на ночь. Спал Игорь плохо, так как постоянно одолевали тревожные мысли. Родители, страшно волнуясь, приходили по выходным дням. Мама приносила в кастрюльке куриный суп и домашние вкусности, но аппетита не было. Часто болела голова и настроение падало. Мама подолгу беседовала в кабинете с лечащим врачом и возвращалась в палату с заплаканными глазами.

Недели через две Игорю разрешили выходить в коридор, а в тёплые дни гулять в парке рядом с больницей. Однажды во время прогулки Меньшов увидел старого знакомого. Василий Рябчиков неспешно прогуливался в парке и синяя больничная пижама смотрелась на нём как костюм на обезьяне.

– Привет, – Василий протянул здоровенную лапу.

– Ты как здесь оказался? – Игорь пожал ему руку. – Я думал, что ты уже в армии маршируешь.

– Да вот засунули гады в психосматику. Говорят буйный, вкололи аминазин, привязали к кровати. Две недели как бобик в палате сидел, сегодня первый день на прогулке.

– А ты что действительно буйный?

– Да какой там, кузнец я. В цеху всю жизнь вкалываю, а меня в пехоту, землю копать. Вот я и возмутился.

– Ну нельзя же так резко!

– Да ты прав, немного погорячился.

Они шли по аллее парка, окружённой высокими, зелёными деревьями. Сквозь листву пробивались солнечные лучи, играя зайчиками на покрашенных скамейках. Больные гуляли по асфальтовой дорожке, лентой окружавшей больничные корпуса, дышали свежим воздухом. В двенадцать часов сёстры попросили всех вернуться в палаты. На следующий день Игорю назначили лечебную физкультуру и инъекции витаминов.

– Ну раз колим витамины, значит на поправку идёшь, – со знанием дела сказала медсестра Наташа, полная, грудастая блондинка, уже давно работающая в больнице.

– Что-то я этого не чувствую, – грустно признался Меньшов. – Настроение поганое, голова болит и есть не хочется.

– А девку тебе хочется? – игриво спросила Наташа, приподнимая могучую грудь.

– Это смотря какую. Вот моя ненаглядная уже две недели не приходит и не звонит даже!

– Может заболела, потому и не показывается. Ты не переживай, всё будет в шоколаде.

Наташа аккуратно сделала укол, прижала ранку ватой и, выпроваживая Игоря из процедурной, громко крикнула, – Следующий!

Но Татьяна, слава богу, не болела, а наоборот, очень даже хорошо себя чувствовала. А как может быть иначе, если она в это время загорала на средиземноморском пляже в Испании, в двух километрах от Барселоны. Она прилетела неделю назад, мама заказала в турбюро отель, а папа оплатил перелёт.

Всё произошло так быстро и неожиданно, что Таня ни минуты не раздумывала.

Соседом в самолёте оказался очень симпатичный молодой человек, ну, честно говоря, не очень молодой: Николаю Привалову исполнилось тридцать пять, он был ведущим руководителем фирмы и по мнению Валентины Михайловны, матери Тани, очень подходил ей в друзья.

Они легко познакомились, всю дорогу болтали и отдыхать должны были в одном отеле. То, что их номера оказались по соседству, Таню совершенно не смутило. Николай был хорошо воспитан, шутливо говорил комплименты, не задумываясь тратил деньги на подарки, а в свободное время занимался фитнесом в спортзале.

Тане он понравился, они с утра до вечера были вместе и поцелуй в парке у фонтана, случился как бы сам по себе. «Что-то я не то делаю, – мелькнула шальная мысль, – вроде я замуж за Игоря собиралась», – но мысль мелькнула и Таня легко отогнала её.

Ночь они провели вместе, а наутро проснулись в одной постели. Николай оказался хорошим, очень опытным любовником. Он был ласковым, нежным и в меру агрессивным.

Чётко знал, что может понравиться женщине, а от чего надо воздержаться. В общем Таня осталась довольна и счастливая улыбка не сходила с её лица.

Через две недели они прилетели домой и, что самое удивительное, в родном городе продолжали и дальше встречаться. Николай часто после работы заходил к ним домой, ужинал и совершенно околдовал родителей. С отцом он беседовал об авиации, предсказывая значительный прогресс, а с Валентиной Михайловной обсуждал распущенные нравы современной молодёжи.

Так уж произошло, что через два месяца, за время которых Таня ни разу не позвонила Игорю, Николай Привалов сделал ей предложение и она с радостью приняла его. Родители были довольны, а Таня просто счастлива, так как с её женскими делами начались неполадки и в том, что беременна она уже не сомневалась.

Лечебная физкультура давалась Меньшову легко, он свободно делал приседания, наклоны и повороты, а затем, с разрешения лечащего врача, начал бегать кросс вокруг больницы. Настроение улучшилось, голова не болела и, когда он упал без сознания в коридоре больницы, не только врачи, но и профессор был неприятно удивлён.

На обследовании компьютерной томографией никаких патологических изменений выявлено не было, но светило нейрофизиологии из Москвы лишь скептически покачал головой и назначил комплексное лечение. Для Меньшова это означало строжайший режим, инъекции, капельницы и таблетки по схеме, диетическое питание и запрет на выход из больницы. Особенно гнетуще действовала атмосфера клиники, где было много тяжело больных и, кроме телевизора, никаких развлечений.

Три месяца пролетели незаметно, но никаких улучшений в своём состоянии Игорь не заметил. Хорошее настроение сменилось на тяжёлую депрессию, а здоровый аппетит завершился головной болью. Немного успокаивало то, что теперь на прогулках по больничному двору Меньшов встречал Василия Рябчикова не с гантелями в руках, а в инвалидной коляске. Игорь понимал, что нельзя радоваться чужому горю, но удивляло то, что здорового парня, который до больницы гнул кочергу, теперь вывозили на прогулку в коляске.

– Залечили гады! – с тоской говорил Василий, а Меньшов с тревогой думал о том, как выбраться из этой ситуации, в которой ни он, ни врачи не видели положительной перспективы.

Заметно огорчил один случай. Родители взяли его на выходные из больницы домой, но он не смог вспомнить этаж, на котором находится их квартира.

Отец пытался его успокоить и призывал держаться молодцом, но у Игоря это плохо получалось. Во всей этой дурацкой ситуации единственным светлым пятном было то, что иногда вечером настроение улучшалось, голова переставала болеть и даже появлялся аппетит. Игорь самостоятельно готовил себе яичницу с колбасой, крошил в тарелку крупно нарезанные помидоры, а затем поедал всё это с чёрным хлебом. До позднего вечера он работал над раскадровкой фотографий, писал сценарные разработки и созванивался с друзьями.

Многие из них уже поступили в институты и разъехались по разным городам. Володя Афонин поступил в Академию художеств, жил в «богемном», как он выразился, общежитии и отрастил творческую бородку. Коля Иванов, худой, высокий парень, который в школе был совершенно незаметен, поступил в военно-морское училище и собирался стать командиром ракетного крейсера. В общем все были при деле и только у Игоря всё шло наперекосяк.

Самым плачевным во всей этой ситуации было то, что Татьяна исчезла из жизни Меньшова напрочь. Он слышал от друзей, что она учится в медицинском, между делом собралась замуж и даже уже немного беременна.

«Разве можно было такое представить ещё полгода назад? – с тоской думал Игорь. – Жизнь выделяет такие выкрутасы, от которых дух захватывает и хочется быть волком».

Свадьбу готовили с размахом. Отец заказал большой зал ресторана, мама пригласила всех родных и знакомых, а Таня обзвонила подруг. Они вместе с Николаем обошли магазины для новобрачных, купили обручальные кольца, выбрали свадебное платье и только с костюмом для жениха вышла неувязка.

Большой живот Привалова никак не помещался в стандартные брюки. Их пришлось срочно перешивать у портного.

– Не волнуйся, милый, – ласково приговаривала Татьяна, застёгивая брюки на животе Николая, – вот начнём с тобой делать зарядку, меньше будем есть и обязательно похудеем.

– Всё как раз наоборот, – упрямо твердил Привалов. – С увеличением срока беременности ты, а следовательно и я, будем есть больше, а энергичная зарядка тебе противопоказана.

– Противопоказана мне, а не тебе, – перечила Татьяна.

Ко дню свадьбы вроде бы всё устаканилось. Свадебное платье скрывало живот невесты, жених был сама элегантность, а родители просто счастливы. В связи с большим сроком беременности, Тане пришлось взять академический отпуск. Свободное время она проводила дома, по мере сил помогая матери готовиться к свадьбе.

Всё прошло как по маслу: во Дворце бракосочетаний их быстро расписали, к ресторану они подъехали вовремя и стали встречать гостей. Подарков было много и дарили их от души. Кто-то из гостей приподнёс комплект постельного белья, кто-то столовый сервиз, а кто-то и детскую коляску. – Ой, примета плохая! Нельзя дарить детские вещи до рождения ребёнка! – широко раскрыв накрашенные глаза, воскликнула Виктория Жаботинская, лучшая подруга невесты.

– Ах оставь, Вика! – спокойно сказала Таня. – Вечно ты со своими приметами.

Почти никто из гостей не заметил минутного замешательства, а когда студенты из института подарили новобрачным щенка в корзиночке, все сразу же заахали и облегчённо рассмеялись.

– Ой, какой хорошенький! А что это за порода?

– Вероятно болонка, – со знанием дела определила Вика. – Смотрите, она же совершенно белая.

Татьяна взяла щенка на руки и он, повизгивая, стал её облизывать. Когда гости собрались, всех пригласили к столу. Стол ломился от блюд и напитков, а в течении вечера прозвучало много возвышенных тостов. Таня светилась от счастья, с любовью поглядывая на новоиспеченного мужа. Отец, изрядно выпив, уже дважды пытался произнести тост, но всё никак не мог его закончить. Валентина Михайловна, раскрасневшись от волнения, сообщила о том, что они с отцом переезжают на дачу и молодые могут жить в городской квартире совершенно свободно.

После свадьбы потекли однообразные будни. Каждое утро, перед уходом Привалова на службу, Таня готовила ему завтрак. Он аккуратно съедал его, целовал жену в щёку и исчезал до шести часов, а Таня оставалась на целый день одна. Можно было сходить в магазин, приготовить обед, немного потрепаться с подругами по телефону, а затем ждать благоверного.

Жизнь текла однообразно, каждый следующий день был похож на предыдущий, как две капли воды. Юношеские мечты закончились и наступила жёсткая проза жизни. Единственным светлым пятном в этом тусклом существовании, был щенок по кличке Боб, которого ей подарили на свадьбу. Этот маленький, пушистый комочек, ласковый и любвеобильный до невозможности, радовал её постоянно. То он тапочек в постель принесёт, то начнёт

у Татьяны ухо вылизывать, то встречает её радостным визгом, приветливо махая хвостиком. Выполняя рекомендации врачей, Таня часто гуляла с собачкой в парке. Чтобы выглядеть эффектной, она одевалась во всё белое и они в паре с белым щенком производили неизгладимое впечатление.

– Ну прямо дама с собачкой! – восторгались молодые люди при встрече, но увидев большой живот женщины, сразу же отставали.

Совсем другого мнения о собаке был Привалов. И хотя щенок радостно встречал его как члена семьи, он неприязненно отодвигал его ногой и проходил ужинать на кухню, но если Татьяна кормила сперва щенка, а уж потом собирала на стол мужу, Николай устраивал очередной скандал. Ситуация усугублялась тем, что врачи запретили Тане заниматься сексом.

– Это может навредить ребёнку, он у вас и так еле держится, – напутствовала её в поликлинике пожилая докторша. – Я бы посоветовала вам не делать резких движений, а иначе положим на сохранение и муж вас до родов вообще не увидит!

Советы врачей мало интересовали Привалова и он сначала ласкал Татьяну, а уж затем шёл на сближение, но не увидев ответной реакции, стал просто насиловать жену. Семейная жизнь перестала её радовать и хотя они переехали в квартиру Николая, Таня при первой же возможности уезжала к маме. Больше всего ей досаждал большой живот и она с нетерпением ждала родов. Тем не менее, проводив мужа на работу, она регулярно выходила на прогулку с собачкой. Боб весело бежал впереди, позвякивая маленьким колокольчиком, который Таня прикрепила к ошейнику.

Погода была замечательной, солнце пробивалось сквозь тяжёлые тучи, слегка подтаивший снег блестел и искрился. До парка оставалось пройти метров сто, вот только надо было перейти оживлённую дорогу. Таня подошла к перекрёстку и стала дожидаться зелёного сигнала светофора. Боб, как всегда, сел рядом, ожидая команды хозяйки. Вдруг впереди раздался залиvistый лай.

На другой стороне улицы два небольших фокстерьера рвались с поводка и отчаянно лаяли. Боб страшно перепугался, рванулся в сторону и побежал через дорогу. Татьяна от неожиданности вскрикнула, испугавшись за собаку и кинулась за ней вдогонку. Она бежала по скользкой дороге, а щенок, ничего не понимая, но видя что хозяйка бежит следом, всё прибавлял ходу.

– Бобка, стой! – отчаянно закричала Таня. Резкий визг тормозов и сильный удар оборвали её возглас.

В пятницу Игоря выписали из больницы. Лечащий врач, видя его тяжёлое состояние, всё-таки старался приободрить.

– Вам надо выходить на работу, Меньшов.

– Я еле двигаюсь, доктор. Какая может быть работа?

– Работать надо, пускай и через силу, это вас отвлечёт и вы обязательно поправитесь.

«Я должен жить на автомате, заставляя себя работать или наоборот?» – с горечью подумал Меньшов.

Но жизнь после больницы постепенно налаживалась. Возвращаться на прежнее место работы Игорь не захотел и отец устроил его на завод кинескопов дежурным прибористом. Эта профессия только по названию звучала романтично, а на самом деле тяжёлая работа в горячем цеху включала и ночные смены. Когда надо было заменить перегоревший датчик, Игорь, надев ватник, валенки и с термопарой в руке взбирался на верхотуру стеклоплавильной печи.

Больше всего его в такие минуты беспокоило то, что он может потерять сознание и свалиться в, ревущую огнём, печь. О своих подвигах он дома, конечно же, не рассказывал, но когда термопара была установлена и исправный прибор показывал температуру в полторы тысячи градусов, Игорь гордился собой.

Помимо работы Меньшов много снимал, а вечерами в дома печатал фотографии. Ему удавалось даже публиковаться в районной газете и выступать с творческими отчётами в молодёжном клубе. В своей бурной деятельности его огорчало лишь то, что периодически состояние ухудшалось до того, что приходилось надолго ложиться в больницу. Снова повторялись ежедневные инъекции, капельницы и таблетки, но к концу лечения наступало временное улучшение.

На работе смирились с тем фактом, что Меньшов периодически болеет. Ему исправно оплачивали больничные, но заменить его было нечем, так как найти квалифицированного прибориста на минимальную зарплату было не просто. После больницы, он как ни в чём не бывало, выходил в ночную смену и лез с термопарой на горячую печь.

Отдыхая дома после работы и просматривая фотографии, Игорь с тоской вспоминал институт, свет прожекторов в съёмочных павильонах и суету абитуриентов на экзаменах. Он трезво оценивал ситуацию и понимал, что с его заболеванием не только о работе в кино, но и о поступлении в институт следует забыть.

Тем не менее, родители и старшие братья делали всё возможное для того, чтобы он сохранил веру в выздоровление.

– Крепись, сынок, ты же мужчина! – твёрдо говорил отец.

– Не трусь, малыш, мы обязательно победим, – поддерживал его старший брат.

– Да оставьте вы парня в покое, – обрывала их мать. – У него всё будет в порядке!

– Да, конечно, – вяло отвечал Игорь, понимая всю бессмысленность успокоительных слов, но в душе его всё ещё теплилась надежда и он регулярно просматривал журналы, знакомясь с новостями кино.

А новости эти были весьма впечатляющи: то известный режиссёр затеет неудавшуюся постановку космической саги, то престарелый киноклассик, всегда снимавший фильмы о любви, вдруг ударится в пробойный материал боевика, то известная актриса, которой надоело прозябать на пенсии, вдруг соберётся выйти замуж и не просто за бомжа, а за популярного телеведущего, который лет на двадцать моложе её. Но самым обидным было то, что экраны кинотеатров не просто заполонили, а полностью оккупировали американские фильмы, причём самого низкого пошиба. Игорь посмотрел некоторые из них и ему стало настолько противно, что появилась оскомина во рту.

Он разговорился с директором одного из кинотеатров и на вопрос, как можно показывать такой маразм, получил ответ, что хороших отечественных фильмов сейчас нет, а кинотеатр простаивать не может. Да, российское кино прекратило существование, а до светлых времён телесериалов ещё надо было дожить...

Таня долго не приходила в сознание, а когда очнулась, то почувствовала такую боль, что громко застонала. Тут же встрепенулась худенькая медсестра, дежурившая в реанимации. Она подошла к кровати, положила Тане прохладную ладонь на лоб и негромко сказала:

– Очнулась, Красавкина, ну вот и хорошо. Скоро танцевать будешь!

Таня глянула поверх одеяла и над своим большим животом увидела загипсованную ногу.

– С танцами, я думаю, придётся подождать, а что с ребёнком? Медсестра поправила капельницу и мельком взглянула на приборы.

– Гинеколог посмотрел вас и сказал, что пока всё в порядке.

– Что значит пока? – встрепелась Татьяна.

– А незачем бросаться под машины беременной! – резко крикнула сестра и Таня сразу же сникла.

– Как мой Боб?

– Это что муж твой?

– Нет щенок.

– Собачка, к сожалению, погибла и машина разбилась вдребезги. Ремонт придётся оплачивать, вина-то твоя.

Таня завозилась на кровати, стараясь поудобней устроиться. Одеяло сползло на пол и медсестра аккуратно его поправила.

– Чёрт с ней с машиной, главное, чтоб ребёнок родился здоровый!

Дверь рывком отворилась и в палату вошли трое мужчин в белых халатах. То, что это были врачи сразу же стало понятно, так как сестра вытянулась по стойке смирно, а главный из них подошёл к Татьяне.

– Как вы себя чувствуете?

– Больно, доктор, – пролепетала она, – и пить очень хочется.

– Еды, питья и медикаментов, всего этого у вас будет достаточно. Главное, что вы пришли в себя, а остальное приложится.

– А что с ногой?

– Открытый перелом, гипс, затем длительная растяжка на спицах. Вам, девушка, придётся набраться терпения. Лечение будет долгим.

– Я понимаю, – вздохнула Таня.

Врач в полголоса продиктовал сестре назначения, она быстро записывала, изредка глядя в его глаза, как преданный пёс ловит взгляд своего хозяина.

– И пожалуйста, учитывая ваше положение, – он выразительно посмотрел на её живот, – вам надо осторожнее двигаться и заодно беречь ногу. Врачи осмотрели ещё трёх больных, лежавших в реанимации и, что-то обсуждая между собой, вышли из палаты.

– Ну, слава богу, пронесло! – с выражением сказала сестра.

– А что такого страшного? – поинтересовалась Таня.

– Ты что не знаешь с кем говорила?

– Нет, а что?

– Да это же зав. отделением Петровский! – сестра сверилась с назначением и сразу же поменяла капельницу. – Его не только сёстры, но и врачи побаиваются. Он строгий, но профессионал высшего класса!

Лечение в больнице пошло Красавкиной на пользу. Через три дня боли в ноге заметно уменьшились, а через неделю ей уже разрешили ходить и она на костылях, животом вперёд, тихонько передвигалась по коридору. Каждый день её навещала мама, принося домашние бульоны, а по выходным приезжал отец.

Николай Привалов, муж, который должен был дни и ночи проводить в больнице, рядом с беременной женой, появился только один раз, а затем надолго укатил в командировку. Но не это беспокоило Татьяну, а то, что ребёнок в животе совсем затих. Не было привычных шевелений, которые она раньше чувствовала. Таню направили к гинекологу и доктор Семёнов принял её в своём кабинете. Это был пожилой человек с кудрявой, седой шевелюрой. Он долго рассматривал рентгеновские снимки, внимательно читал историю болезни, а потом, делая УЗИ, неодобрительно качивал головой и невнятно шевелил тонкими губами.

– Так вы значит падали? – осторожно спросил Борис Михайлович.

– Да, меня сбила машина на дороге.

– Это неприятно, – констатировал врач.

– А что с ребёнком? – робко спросила Красавкина.

Семёнов неторопливо закончил обследование, перевёл результаты на принтер и, посмотрев на Татьяну, внятно сказал:

– Никакой патологии я пока не вижу, ребёнок развивается нормально, хотя перистальтика матки заметно уменьшилась. Я понимаю, что это результат травмы, но только наблюдая вашу беременность, мы со временем сможем сказать, что будет с ребёнком. Очень бы хотелось, чтобы роды прошли нормально, но ваше состояние пока этому не способствует. Так что поправляйтесь!

Врач встал, закончив беседу, а сестра помогла Татьяне вернуться в палату. Плохое предчувствие не оставляло её и тревожное состояние усилилось. Когда пришла мама, Таня расплакалась и всхлипывая проговорила:

– Борис Михайлович сказал, что ребёнок в порядке, а матка совсем плоха.

– Кто такой этот Борис Михайлович? – сурово спросила Валентина Михайловна.

– Гинеколог, зав. отделением.

– И хорошо, что ребёнок нормальный, но тебе сейчас не о ребёнке, а о себе думать надо. Вон как исхудала, одни рёбра торчат.

– И живот выпирает, – улыбнулась сквозь слёзы Татьяна.

Со временем пребывание в больнице стало для неё привычным. Дни сменялись днями, но уже через три недели гипс сняли и Красавкину стали готовить к операции по установке металлических спиц. Сама операция длилась несколько часов и нога после неё ещё долго болела. Если с гипсом на ноге она могла ещё кое-как ходить, то с громоздким аппаратом, она стала совершенно не транспортабельной и передвигалась только в инвалидной коляске.

Всё это так плохо на неё подействовало, что ещё не так давно красивая, весёлая девушка превратилась в худую, страшную, с тяжёлой депрессией женщину. По утрам она боялась смотреть в зеркало, чтобы не расстроиться ещё больше. Тяжёлое состояние не лучшим образом сказалось на её беременности.

Таня не могла есть, у неё совершенно пропал аппетит и её большой живот, вместо того, чтобы расти, стал почему-то уменьшаться.

Целые ночи напролёт она лежала с открытыми глазами и бездумно смотрела в тёмный потолок. Зав. отделением Петровский, опасаясь за её состояние, неоднократно говорил с Валентиной Михайловной, стараясь убедить её в необходимости аборта по медицинским показаниям.

– Вы только Тане об этом не говорите, – дочь не вынесет этого.

– Сейчас речь идёт о здоровье матери и если она не поправится, то гарантировать нормальные роды никто не сможет!

– Доктор, сделайте всё возможное, а там уж как бог даст.

В оставшиеся до родов два месяца, Татьяна почти не двигалась. Её возили утром в туалет, обедала она в постели и только медбрат, молодой, спортивный парень, три раза в неделю делавший массаж, мог её немного расшевелить.

Ситуация усугубилась тем, что когда Николай Привалов вернулся из командировки и зашёл в больницу навестить жену, он её не узнал. Перед ним лежала худая, незнакомая женщина, которая не ответила на его приветствие и за время свидания ни разу не улыбнулась. Николай испугался, ему было неприятно и он решил, что в следующий раз появится в больнице только в случае крайней необходимости.

Доктор Петровский и гинеколог Борис Михайлович периодически навещали больную, говорили успокаивающие слова и многозначительно переглядывались. Наконец, по решению ортопедов было решено снять металлический аппарат с ноги. Операцию по выемке спиц проводили под общим наркозом и, когда она закончилась, Красавкину положили в реанимацию, так как остановить кровотечение долго не удавалось. На третий день, утром,

Татьяна пришла в себя и сразу же почувствовала, что начались схватки. Боль приходила волнами, становилось трудно дышать и Таня закричала. Через минуту прибежала дежурная сестра, вызвала врача и, после короткого консилиума, роженицу перевели в гинекологию.

Валентину Михайловну, которая пришла на свидание к дочери, в палату не пустили и она, осознав серьёзность ситуации, всё пыталась выяснить у врачей, как себя чувствует больная. Схватки длились целый день, с короткими промежутками, и, наконец, к вечеру Татьяна родила. Роды принимала опытная акушерка Наталья Пелипенко, которая с роженицами не церемонилась.

– Тужься, мамашка, тужься твою мать! – громко наставляла она Таню, не обращая внимания на громкие стоны. – А теперь дыши, ртом дыши, дурында!

Ребёнок вышел, пуповину обрезали, но не было слышно привычного детского крика. Ребёнок родился мёртвый, а Татьяну в полубессознательном состоянии увезли в палату.

– Этого следовало ожидать, – протирая очки, сказал Борис Михайлович. После такой травмы и в депрессивном состоянии ничего хорошего ждать не приходится. Это ещё счастье, что она сама осталась жива.

На следующее утро Татьяна проснулась, подозвала дежурную сестру и сразу же спросила о ребёнке.

– Будете говорить с дежурным врачом, – сестра поставила поднос с завтраком, – а сейчас вам надо поесть. Врачи рекомендовали обильное питьё, так как вы потеряли много крови.

– Ну скажите, кто у меня мальчик или девочка?

Сестра отвернулась, якобы к процедурному столику, а затем быстро вышла из палаты. Таня поела, выпила кофе и осторожно добралась до туалета. Как ни странно, но настроение улучшилось. За окном светило солнце и по небу раскинулись пушистые облака. На ветке дерева сидел воробей и деловито чирикал. Зелёная листва плавно колыхалась в такт ветру. Жизнь продолжалась.

Дверь распахнулась и в палату, в сопровождении свиты, вошёл зав. отделением Петровский.

– Красавкина, почему не в постели?

Таня быстро, как могла, юркнула под одеяло.

– Как самочувствие? Как настроение? – доктор откровенно улыбнулся.

– Спасибо, немного лучше.

– Гинекология? – обратился он к ассистенту.

– Без патологии, идёт заживление родовых путей. – Молодой ассистент просматривал историю болезни. – Температура в норме, показатели крови хорошие.

– Вот видите, Красавкина, я же обещал, что вы поправитесь. Нога не болит?

– Болит, доктор, но это не главное. Что с ребёнком?

Петровский присел на кровать и взял в свои руки тонкие руки Татьяны.

– Я никогда не обманываю больных и поэтому они мне доверяют. Ваше состояние будет улучшаться день ото дня.

– Что с моим ребёнком, доктор?

– У вас родился мёртвый ребёнок, но вы молоды и у вас всё ещё впереди!

Будут у вас дети, не волнуйтесь!

Таня заплакала, слёзы покатились по щекам и лицо стало некрасивым. Доктор погладил её по руке, неловко поднялся и быстро вышел из палаты. Ассистенты последовали за ним, а к больной подошла медсестра, сразу же сделала ей укол и Татьяна заснула. Она просыпалась, чтобы поесть, затем её кололи и она снова засыпала. Через три дня Таня поднялась с постели, к ней пришла мама и они немного погуляли в сквере у больницы. Петровский назначил лечебную физкультуру и под руководством инструктора Таня активно приседала

и нагибалась. Окно было приоткрыто и свежий воздух приятно охлаждал тело. Массаж ей делали в отдельном кабинете и массажист сильными руками растирал её так, что тело краснело. С каждым днём Таня чувствовала себя всё лучше, настроение улучшалось и в голове стали появляться мысли о будущем.

«И где же мой, так называемый муж, – как-то без волнения подумала Красавкина. – Хоть бы для приличия появился, но мне, честно говоря, уже всё равно. Пора с ним завязывать!»

Как бы угадав её мысли, на следующий день в больницу пришёл Привалов. Он был хорошо одет, приятно пах одеколоном, был строг и подтянут.

– Как ты себя чувствуешь, Таня?

– Спасибо, уже лучше.

– Мне сказали, что тебя на днях выпишут.

– Да, я знаю.

– Комнату я приготовил и даже сменил постельное бельё.

Таня посмотрела на его лицо, с трёхдневной модной щетиной, родинку на подбородке и тёмные круги под глазами. Он ей не понравился.

– Ты знаешь, Николай, я ещё очень слаба и думаю, что мне лучше пожить у мамы.

Привалов, как бы с облегчением, вздохнул и поправил галстук.

– Тебе, конечно, виднее, но мой дом всегда открыт для тебя.

Они довольно сухо попрощались и больше Татьяна его не видела. Из больницы её забирала родители. Папа подогнал машину, сумку с вещами поставил в багажник и открыл заднюю дверь. Таня села рядом с мамой. День был солнечный, в молодой, зелёной листве сустились неугомонные воробьи, в витринах магазинов стояли нарядные манекены, а в лужах отражалось голубое небо. Папа осторожно вёл машину и, хотя на перекрёстках водители нетерпеливо гудели, скорость он не превышал.

– Танюша, пока ты не поправишься, тебе придётся побыть дома, – мама говорила с ней ласково, как с маленьким ребёнком, – и чтобы не было скучно, мы с папой решили сделать тебе подарок.

– И что же это? – у Тани пробудился неподдельный интерес.

– Придешь домой, увидишь! – мама заговорщицки улыбнулась.

Когда подъехали к дому, Таня удивилась новой, светло-розовой окраске стен, необычному замку на входной двери и жалобному поскуливанию, которое было слышно даже на лестнице.

– Кто это? Неужели щенок?

В щель открывшейся двери, просунулась смешная, лохматая мордашка, которая тут же мокрым носом уткнулась в её ладонь. Таня взяла щенка на руки и, благодарно улыбнувшись, понесла его в комнату, а пёс, как бы признав новую хозяйку, тут же устроился у неё на коленях. В её комнате ничего не изменилось: кровать была аккуратно застелена, лохматый медвежонок подпирал подушки, компьютер был включен, а стеллаж с книгами приоткрыт. Создавалось впечатление, что она не так давно вышла из комнаты.

«Как хорошо дома! – подумала Таня. – Как будто ничего плохого не случилось, как будто муж по-прежнему любит меня и будто ребёнка я не потеряла».

Очень быстро улыбка сменилась слезами и обеспокоенные родители засуетились вокруг, а щенок, не понимая что происходит, жалобно заскулил.

Глава третья. Нештатная ситуация

Старший брат Александр прислал из Москвы фотографии, где он на съёмочной площадке фильма работает с актёрами. Это был его режиссёрский дебют и сценарий для постановки он взял беспроигрышный: актрисы балета на сцене и в жизни.

Игорь с интересом перебирал фотографии, где брат поправляет причёску актрисе или беседует с оператором, а вот он на просмотре материала в затемнённом зале. Особенно выделялся увеличенный снимок, сделанный на сцене Большого театра. Здесь Александр в окружении балерин разводит мизансцену.

«Да, это совсем другой мир, который мне недоступен, – с тоской подумал Игорь, – но надо быть благодарным богу за то, что у меня есть. Как говорила тётушка Полина: руки-ноги целы и голова работает. Что ещё человеку надо?»

А оказалось, что молодому человеку много чего надо: и чтобы настроение по утрам было хорошее, и чтобы мыслить можно было творчески, и чтобы девушки радовали, а не проносились мимо, как привидения. Уж не говоря о том, что хотелось бы думать о будущем, а не хоронить себя заживо.

Всё это было в мечтах, а пока приходилось тянуть однообразную лямку.

Вставал он рано, на улице было ещё темно. С трудом добравшись до ванной, Игорь тщательно чистил зубы, принимал тёплый душ и аккуратно брился. Есть по утрам не хотелось категорически, но мама, которая вставала ещё раньше, уже жарила яичницу с колбасой или смешивала творог со сметаной. Кое-как проглотив завтрак, Игорь вышел на улицу.

Свежий воздух бодрил и, стараясь дышать поглубже, он побрёл к автобусной остановке. Ещё не было семи часов и прохожие попадались редко. Поэтому чем-то необычным показалась суeta в переулке, у сберегательной кассы. Два мужика торопливо выносили серые мешки и грузили их в машину, а третий, стоявший у двери, негромко отдавал команды.

«Что за бред? – не понимая что происходит, подумал Меньшов. – Банк грабят, что ли?»

Но тут его мысли были прерваны топотом ног и, оглянувшись, Игорь увидел участкового Петрова, который неуклюже бежал к сберкассе, на ходу вытаскивая из кобуры пистолет.

– Стой, гады! Стрелять буду!

Бежать пожилому милиционеру было тяжело, но он старался изо всех сил. Игорь знал, что у Петрова большое сердце и он дорабатывает последние месяцы перед пенсией. Вдруг от машины загрохотали выстрелы и Меньшов инстинктивно бросился на землю. Когда он поднял голову, то увидел как автомобиль, сбив участкового, несётся вдаль по улице. Тут же раздался вой милицейских машин, а Игорь вскочил и побежал к Петрову.

Старик лежал, неудобно раскинув руки. Из под милицейской шинели виднелись спортивные брюки, он даже форму надеть не успел. Пистолет валялся на земле метрах в трёх. Рядом с визгом остановилась патрульная машина, а вторая резко затормозила у открытой двери банка. Наряд милиции рванулся вперёд. Молоденький лейтенант с пистолетом в руке подбежал и нагнулся над участковым.

– Жив? – резко спросил он.

– Я не знаю! – испугался Игорь. – Но кажется дышит.

– Ты видел что-нибудь? – наседал лейтенант.

– Три человека вынесли мешки из банка, а когда подбежал участковый, они начали стрелять. Потом уезжая, сбили его машиной.

– Номер запомнил?

– Кажется 34, остальное не видел, было ещё темно.

– Спасибо. Вызовет следователь, всё подробно расскажешь, – и лейтенант побежал в сторону банка.

Через пять минут прибыла скорая и участкового Петрова увезли в больницу, а потрясённый Меньшов только сейчас вспомнил, что собирался на работу.

Он позвонил домой, чтобы успокоить мать, а затем сел в подошедший автобус и поехал на завод. Самое интересное, что несмотря на потрясение, чувствовал он себя значительно лучше.

В цеху его встретил начальник смены Глухов, который, как бы подтверждая свою фамилию, не говорил нормально, а постоянно орал. Возможно причиной этого был постоянный шум в цехе.

– Пётр Семёнович, извините за опоздание, но у нас в районе ограбили банк.

– А ты что помогал грабителям? – выпучив глаза, проорал Глухов.

– Нет, конечно, но меня милиция задержала как свидетеля.

– Иди работай, артист! Вечно ты в какие-то истории попадаешь! – начальник смены энергично открыл дверь и быстро вышел в грохот цеха.

Игорь направился к своему участку. Слева грохотал и шипел здоровенный пресс, впереди округлым горбом высилась стеклоплавильная печь, а в небольшом помещении, огороженном фанерной стенкой, были смонтированы контрольно-измерительные приборы, следившие за температурой в печах.

Меньшов поздоровался со сменщиком. Звали его Степаном, был он высокого роста, широкоплеч и, так как недавно вернулся из армии, то если о чём-то и говорил, то только о женщинах.

– Значит я к ней прихожу после танцев, – рассказывал он Василию Ивановичу, пожилому слесарю, – а она дверь не открывает, цену себе набивает. Ну я постучал культурно раз, другой, она ни в какую. Тут я разозлился и плечом вышиб дверь, а уж потом мы с ней всю ночь куролесили.

– А дверь то починил? – по-хозяйски забеспокоился Василий Иванович.

– Починил, потом уж починил! – успокоил его Степан. – Привет, гвардейцы, – Меньшов прошёл к своему шкафу, сменил куртку на ватник, присел на скамейку и вместо туфель стал натягивать валенки.

– Сегодня надо поменять две термопары, – озабоченно сказал Степан, просматривая журнал дежурств. – Парни из ночной смена совсем обленилась, всё нам оставили.

– На какой печи? – спросил Игорь, притоптывая валенками.

– Одна на первой, а другая на второй.

– На первой надо не только термопару менять, но и новый кабель протягивать, – уверенно сказал Меньшов. – Там контакты совершенно прогорели, я ещё в прошлую смену заметил.

– Менять, так менять! – бодро сказал Степан и, взяв ящик с термопарами, направился ко второй печи.

– «Хитрец! – с грустью подумал Игорь. – Сам на вторую, а мне ненавязчиво первую печь. Теперь до обеда пытеть придётся. Кабель просто так не протянешь».

Он проверил наличие термопар, прихватил инструменты, моток кабеля и, прикрыв за собой дверь, направился к первой печи. Самая большая на заводе, полыхающая огнём из малых окошек, тысячеградусная внутри и очень жаркая снаружи, эта печь была инженерной гордостью завода. Полностью автоматизированная, выдающая стекло высшего качества, она всё же не могла обойтись без человеческой помощи. То произойдёт сбой в загрузке компонентов, то пойдут воздушные пузыри в стекле, а когда из-за сгоревшей термопары изменится температура плавки, технологи матерятся и обливаются слезами.

Взобравшись по деревянной лестнице на печь, Игорь подошёл к термодатчику, вмонтированному в крышу печи. Сбив ломиком крепёжную глину, он начал раскачивать термопару, готовясь её вытащить. Из отверстия резко ударила струя горячего воздуха. Даже сквозь

валенки обжигало ноги. Задержав дыхание, Меньшов потянул термопару на себя и, когда она оказалась в руках, положил раскалённый конец на специальную подставку. Пот от жары тёк по лицу, груди и спине. Дышать раскалённым воздухом было невозможно. Соединив кабель с новой термопарой, он вмонтировал её в печь, наскоро закрепил термостойкой глиной и протягивая кабель, стал осторожно спускаться с печи. Уже внизу, вздохнув с облегчением, он подсоединил контакты к распределительному щиту и с удовлетворением взглянул на ожившие стрелки приборов.

«Ну, слава богу, кажется жив! – улыбнувшись подумал Игорь. – Хорошо, что родители не видят как я лезу на раскалённую печь, а иначе работать мне больше бы не пришлось!»

Он аккуратно собрал инструменты и направился в отдел прибористов. Здесь стало намного оживлённей. Два технолога громко спорили у графика температур, уборщица Маня елозила тряпкой пол, а за столом расположился Степан, поедая большой бутерброд.

– О, вот и Меньшов объявился! Ну что справился? – Степан приветливо улыбнулся.

– Всё в порядке! Жаль только, что валенки сгорели.

Игорь устроился на скамейке, с трудом стащил с ног остатки валенок и с облегчением вытянул ноги. В этот момент открылась дверь и в комнату заглянула молодая женщина. Лет тридцати, в светлой кофточке, короткой юбке, открывающей стройные ноги в туфлях на шпильках. Она поправила тщательно уложенные волосы и поздоровалась.

В комнате сразу же стало тихо. В горячем цеху все женщины носили синие комбинезоны и резиновые сапоги, а тут мини-юбка и модные туфли. Первым в себя пришёл Степан и бодро спросил:

– Вам кого?

– Я ищу начальника смены Глухова. В диспетчерской мне сказали, что он у вас.

Женщина мило улыбнулась и оглядела мужчин. Меньшов тут же подтянул ноги, загребая грязные валенки под скамейку. Один из технологов оторвался от приборов и заинтересованно взглянул на женщину.

– Его сегодня здесь не было, но я слышал как он орал у стекольного пресса.

– Почему орал?

– Да он всегда орёт, шумно тут у нас. А вы по какому вопросу?

– Я с телевидения, зам. директора группы. Мы бы хотели снять репортаж о работе вашего цеха, – женщина выпрямилась, почувствовав внимание мужчин и высокая грудь всколыхнулась под кофточкой.

Меньшов быстро одел туфли, сбросил ватник и, поднявшись со скамейки, шагнул к женщине.

– Вы сами его не найдёте. Я могу вас проводить.

– О, это так мило с вашей стороны, – женщина улыбнулась ещё откровеннее и они вышли в шумный цех.

Женщина тут же споткнулась на скользком полу и Игорь твёрдо взял её под руку. От неё пахло какими-то необыкновенными духами и держать её теплую, мягкую руку было приятно.

– Меня зовут Наталья Викторовна, – она стрельнула тёмными глазами.

– А я Меньшов. Игорь Меньшов. Работаю здесь прибористом.

– И давно?

– Уже более полугода. Не поступил на операторский ВГИКа и пришлось идти на завод.

Они обошли грохочущий пресс, затем протиснулись мимо горячей печи и вышли к застеклённой будке начальника цеха.

– Так мы с вами соратники. Кино и телевидение – близнецы-братья, – Наталья Викторовна поправила волосы.

Мимо пронёсся начальник смены Глухов, на ходу что есть силы крича:

– Куда, вашу мать! Я сказал сначала грузить первую печь, а не вторую!

Меньшов и Наталья Викторовна испуганно посторонились.

– Я думаю, что вам лучше договариваться в заводоуправлении. Там немного спокойнее, – Игорь смущённо замялся. – А можно я буду присутствовать на вашей съёмке?

Зам. директора сразу же стала серьёзной, одёрнула кофточку и повернулась к Меньшову.

– В общем-то это у нас не принято, но если оператору понадобится ассистент, то я обязательно вас приглашу. У вас есть телефон?

– Да, конечно, – Игорь продиктовал номер мобильного и проводил женщину к заводоуправлению.

– Спасибо и до встречи! – она скрылась за дверью.

«Женщина совершенно бесподобная! – с восторгом подумал Меньшов. – То, что она старше меня, это даже хорошо, а если ещё поможет пробиться на телевидение, то это будет просто замечательно!»

Таня не сразу привыкла к дому, слишком долго она пробыла в больнице, но жизнь брала своё. В квартире надо было убратся, продукты купить и обед приготовить. Родители с утра уходили на работу, возвращались поздно, а поесть вкусно хотелось, так что приходилось крутиться. Много хлопот доставлял щенок, Татьяна назвала его Баксом. Он носился по квартире с тапком в зубах, смешно лаял, грыз мебель и много ел. Свою хозяйку он обожал и ходил за Таней как хвостик.

Однажды утром резко зазвонил телефон и Татьяна, кормившая щенка, неохотно взяла трубку.

– Танюха, привет! – раздался бодрый голос Виктории Жаботинской.

Подруга всегда была в хорошем настроении и активно поддерживала его в окружающих. Даже по телефону было слышно как она смеётся и радуется жизни.

– Привет, – грустно откликнулась Таня.

– Я надеюсь, у тебя всё в порядке?

– Более-менее.

– Кончай грустить! Завтра у нас всего две пары, семинар по анатомии, а потом физиология.

– Ну и что? А я тут при чём? Меня уже давно из института отчислили!

Вика недовольно зашипела и почти выкрикнула в трубку:

– Вот тут ты не права, подруга! Я вчера заскочила в деканат и Пётр Степанович клятвенно обещал восстановить тебя. Так что приходи в институт, не отлынивай!

– Постараюсь. Спасибо тебе за участие.

– Пожалуйста, только я не затем звонила.

– А в чём дело-то?

Вика выдержала паузу, прямо как завещал Станиславский, а потом сходу выдала:

– Физиологию ведёт такой мужик, полный отпад!

– Уж не влюбилась ли ты, Виктория? Этот, наверное, десятым будет!

– Не десятым, а только шестым! Так что у меня всё впереди! – подруга засмеялась. – До завтра, встретимся в институте.

Положив трубку, Татьяна вышла на балкон. Щенок тут же увязался за ней, радостно помахивая хвостиком и, задрав мордочку, стал принюхиваться к незнакомым запахам. Осень брала своё. Уже который день накрапывал нудный, противный дождь. Листья на деревьях

совсем пожелтели и стали плавно опадать на землю. Выходить на улицу совсем не хотелось, но надо было выгулять щенка и Таня собралась на прогулку.

Она одела джинсы, сапоги и тёплую куртку. Жёсткий ошейник был ещё велик для Бакса, но Таня тщательно пристегнула поводок – второй раз падать ей не хотелось. Захлопнув дверь, она вышла на улицу. Посмотрев как радостно бегают щенки, как тянет её вперёд и неумело выполняет команды, она невольно улыбнулась. После часовой прогулки настроение значительно улучшилось.

Вернувшись домой, она приготовила обед, поела сама и накормила щенка, а затем прилегла на диван. Бакс тут же устроился рядом, согревая её тёплым тельцем. Незаметно Таня уснула, а когда через час проснулась, то сразу же вспомнила разговор с Викторией. Какой-то обалденный мужик преподаёт в институте физиологию.

«Надо будет сходить на лекцию, – лениво подумала она. – Посмотрю что за птица и как подаёт материал. Заодно встречусь с подругами и узнаю последние новости».

Валентина Михайловна вернулась после работы, неся в руках пакеты с продуктами. Бакс тут же кинулся навстречу и, смешно подпрыгивая на месте, радостно приветствовал хозяйку дома.

– Мама, ну зачем ты таскаешь такую тяжесть. Могла бы позвонить, я бы вышла навстречу.

– Ну что ты, дочка, отдыхай! Тебе поправляться надо.

– Уже поправилась, завтра иду в институт, – Таня посмотрела в зеркало, откинула со лба озорную чёлку и улыбнулась.

Валентина Михайловна неуверенно оглянулась, заметила перемену в настроении дочери и с облегчением вздохнула.

«Только бы у ней всё было хорошо! – с тревогой подумала она. – Слишком много огорчений для девушки».

На следующее утро Таня быстро собралась, наскоро позавтракала и побежала в институт. Погода была замечательная: светило неяркое, осеннее солнце, жёлтая листва красиво смотрелась на фоне голубого неба, а птицы пели так, как будто наступила весна.

В вестибюле института толпилось много студентов. Болтали, курили, смеялись, как будто никто не спешил на лекции, но после звонка многие, всё же, заторопились. Таня сдала куртку в гардероб, мельком взглянула на себя в зеркало и тут на неё налетела Вика.

– Привет, Танюха! Ну ты хороша, а говорила, что болеешь. Пошли скорее в деканат, а уж потом на лекции.

– Надо будет беседовать с деканом? – Таня явно смутилась.

– Конечно, но это не проблема. Пётр Степанович только представляется грозным, а на самом деле душевный человек.

– Хотелось бы верить, но мне как-то неспокойно.

Несмотря на тревожные ожидания, в деканате всё стало на свои места: Татьяну Красавкину восстановили в институте, вновь назначили стипендию и она с лёгким сердцем отправилась на лекцию. В аудитории собралось человек сто. В основном это были девушки, но ребят тоже хватало.

Анатомию читал старый профессор, часто перемежая русскую речь латинскими терминами, при этом его голос, и без того негромкий, часто переходил почти в шёпот, так что слушать его, а тем более конспектировать не представлялось возможности. Таня поправила причёску, вынула зеркальце, подкрасила губы и оглянулась. Студентки были заняты чем угодно, но только не лекцией: кто-то слушал музыку, кто-то оживлённо беседовал с подругами, а кто-то без стеснения спал. Только некоторые из ребят делали вид, что внимательно слушают профессора.

На стол к Татьяне упал бумажный шарик. Она растерянно оглянулась и увидела сзади симпатичного парня. Правильные черты лица, русые волосы до плеч и откровенная, располагающая улыбка.

– Привет! – шёпотом сказал он. – Меня зовут Андрей. Как ты здесь оказалась?

– Что значит как? Я здесь учусь.

– Просто я тебя раньше не видел.

– Я сегодня первый день после академотпуска.

– А, тогда понятно, – он ещё шире улыбнулся. – Тебе не надоело слушать этого старца?

– Вроде бы нет. Он же говорит дельные вещи, просто техника речи у него хромает.

Андрей на секунду задумался, а потом наклонился к Тане и прошептал:

– Давай рванём отсюда! Сейчас в кафе мало народа и мы сможем нормально поесть, а потом и в парк не грех прошвырнуться.

Таня внимательно посмотрела на парня и также тихо спросила:

– Ты со всеми девушками такой приткий?

– Нет, только с теми, кто нравится, – Андрей покраснел, как красна девица, и от этого его лицо стало ещё симпатичней.

– Мне подруга сказала, что физиологию преподаёт обалденный мужик. Я хотела на него посмотреть.

Андрей сразу же сник и отодвинулся, а затем быстро написал записку и передал её Татьяне.

«Преподавателя зовут Семён Владимирович Стоянов. Ничего особенного, просто молодой да ранний. Он зять ректора института и поэтому читает лекции, даже не защитив диссертации».

– Так он женат? – Таня спросила это так громко, что пожилой профессор оторвался от конспекта и вопросительно глянул в их сторону.

В перерыве Таня заскочила в буфет, отстояла небольшую очередь, взяла кофе и булочки, а затем присела к столику у окна. Тут же к ней подлетела Виктория.

– Танюха, привет! Ну как тебе анатомия?

– Ничего особенного, старый профессор шелестит как пропеллер, а студентки занимаются своими делами, – и заметив голодный взгляд подруги, предложила: – Угощайся.

– Нет, спасибо! Я так волнуюсь, что кусок в горло не лезет.

– Это ты из-за преподавателя Стоянова?

– Ну да! Ты просто ясновидящая.

– Мне сказали, что он женат, – Таня вопросительно взглянула на подругу.

– Ну и что, подумаешь. Сегодня женат, а завтра я его разведу! – Виктория взлохматила густые волосы, затем встала, расправила плечи и подняла высокую грудь. – И не с такими справлялись!

Ситуация в аудитории в корне изменилась. Если раньше было много свободных мест, то теперь даже яблоку негде было упасть. Студентки сидели за столами по-двое, и даже по-трое, а вот парней совсем не было видно. Таня устроилась рядом с Викой, наступила минутная пауза и вдруг в аудиторию вошёл Игорь Владимирович. Вздых восхищения пролетел меж рядами.

Был он высок, красив и со вкусом одет. Девушки с умилением смотрели на преподавателя, а он, включив проектор и настроив картинку, начал лекцию. Читал он блестяще, хорошо поставленным голосом, сыпал десятками латинских терминов, так что студентки едва успевали конспектировать. Таня мельком посмотрела на подругу, но та не сводила глаз с преподавателя и, казалось, гипнотизировала его. – Вика, вернись на эту грешную землю! – шёпотом сказала Татьяна, но подруга только отмахнулась.

Старательно конспектируя физиологию, Таня так увлеклась, что когда прозвенел звонок, она пожалела о том, что пропустила множество лекций. Учиться в медицинском ей нравилось и она не жалела, что выбрала профессию врача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.